

Имитация. Явление «Купидона»

Автор:

[Алекс Д](#)

Имитация. Явление «Купидона»

Алекс Д

Купидон #1

С юного возраста Джером Морган оказался втянут в мир преступных корпораций и жил по жестким правилам, навязанным его новой семьей. Многочисленные следы трагических событий ведут Джерома к одной и той же загадке – таинственному препарату «Купидон», разработанному в засекреченных лабораториях корпорации, на которую он вынужден работать. Свойства «Купидона» разрушительны и фатальны в конечном итоге. Но изначально... они дарят имитацию абсолютного счастья. Содержит нецензурную брань.

Небо цвета поблекшего пепла.

Каждый миг может стать последним.

Холодно, хоть и по-прежнему пекло,

Нам не надо наград посмертных.

Лишь бы крепко обнять любимых

Под безоблачно-синей гладью.

Ради них сквозь огня лавину -

Пока жив, пока силы хватит.

Макс Лоренс

Пролог

Россия. Ростов Великий. 27 ноября 1995 год.

Мама разбудила рано, за окном еще темнела ночь. Поспешно одела меня, повторяя, что нужно торопиться. Куда? Куда торопиться? – не до конца проснувшись, размышлял я. Теплую кровать покидать не хотелось, еще меньше хотелось выходить в трескучий мороз на улицу. Тетя Тоня провожала нас до калитки, плакала, целовала мои лоб и щеки, поправляла шарф и варежки. А потом долго смотрела вслед, я махал ей руками и улыбался, не понимая, почему обычно веселая и улыбочивая тетя Тоня грустит. Мама кутала меня в теплый платок поверх курточки, покачивая при ходьбе, а я дремал в уютном тепле ее рук. Мы долго шли по деревне, через поле и небольшую рощу из заснеженных сосен, которые колыхались на ветру, стряхивая на землю свои белые шапки. Все происходящее казалось продолжением сна, который привиделся мне слишком длинной и холодной темной ночью. Я ощущал на себе приятную тяжесть одеяла и мягкую подушку под головой, и только мамино сердце совсем близко билось так громко...

Так оглушительно громко, надрывно. Бам, бам, бам. Открываю глаза, разбуженный, растревоженный. Бам... Бам... Оглядываюсь – не приснилось. Будила меня мама, одевала, тетя Тоня плакала. Идем куда-то. Торопимся... Куда?

Высовываю нос из теплых объятий, ветер пробирается за воротник. Ледяной, пронизывающий. Прячусь обратно, зябко жмусь. Мама чувствует, что я проснулся, обнимает крепче, защищая от холодных порывов.

– Уже близко. Скоро согреемся, – шепчет ее ласковый голос, белый пар поднимается от теплого дыхания.

Приподнимает меня повыше, тяжело вздыхая от усталости, но не останавливается, чтобы передохнуть. Идет быстрее. Я смотрю вперед, на белое здание вокзала, освещаемое равнодушно-ледяными солнечными лучами. Вижу людей, торопливо поднимающихся по ступеням к резным деревянным дверям. Они везут, несут, тащат чемоданы, тележки, котомки, а у нас ничего нет. Мама несет только меня и небольшую сумку, перекинутую длинным ремешком через грудь. Мороз застывает на ресницах серебристым инеем, но мамино дыхание согревает, и я безмятежно улыбаюсь, оглядываясь по сторонам. От размеренного покачивания в теплых объятиях, меня снова клонит в сон, но резкий гудок поезда прогоняет дрему.

Снег. Так много снега вокруг. Хрустит под ногами, кружится в воздухе, белыми мухами оседает на черном пальто мамы и ее светлых волосах, которые рвет ветер, бросая мне в лицо. Воздух дрожит, словно пронизанный серебряным светом; мерцают белыми искрами пушистые ветки запорошенных снегом сосен, расступающихся перед нами. Над крышей вокзала поднимается солнце. Холодное, бледно-желтое на фоне серых облаков. Я обнимаю маму за шею, прижимаюсь к ледяной, влажной щеке. Она что-то бормочет себе под нос, одной рукой придерживая меня, а второй натягивает шапку на мою голову плотнее. Прислушавшись к ее нежному голосу, я узнаю считалку, которую мы используем, во время игр, в которых всегда только три участника. Я, тетя Тоня и мама.

Шесть-три, черепаха,

Два-четыре, пальмочка,

Пять на паруснике опять.

Уплывает вслед за ним,

Весь в полосочку дельфин.

Остаешься ты один!

– Мы же не прячемся, мам, – говорю я, заглядывая в ее лицо, в прозрачные голубые глаза, задумчивые, грустные, немного испуганные.

- Мы едем домой, милый, - отвечает она.

- Но наш дом там, - возражаю я, показывая рукой в обратную сторону.

- Нет, Жень. Наш дом совсем в другом месте. Мы поедем в Америку. Тебе там понравится. Все будет хорошо. Никто нас не найдет, мой маленький. - Холодные губы целуют меня в кончик носа, и я вижу, совсем близко вижу ее лицо, мамина щека становится мокрой. Она плачет. Сначала тетя Тоня, теперь мама.

- Я не хочу в другой дом, - с тревогой говорю я, и она останавливается. Долго-долго смотрит мне в глаза.

- Нам нужно уехать, Женя. Ты же у меня большой мальчик. Ты все понимаешь. - Она порывисто прижимает меня к себе, и я замолкаю, уткнувшись носом в ее плечо. Мне становится грустно и горько. То, что мама плачет - плохо. Она никогда не плачет. Она веселая, такая же, как тетя Тоня.

Мы заходим в здание вокзала. Тепло, шумно, иней быстро стекает с ресниц холодными каплями, щеки вспыхивают, отогреваясь. Мама оглядывается по сторонам, словно кого-то ищет, а потом, сажает меня в кресло, рядом с бабушкой в зеленом пальто и красном берете, стягивает на моей груди концы шерстяного платка. Мне не нравится находиться в шумном, многолюдном и незнакомом месте. Я хочу домой, в теплую кровать, к своим игрушкам, мягкой подушке и утренним творожникам со сметаной.

Вспомнив про любимый завтрак, я чувствую, как урчит в желудке. Мы не успели поесть с утра.

- Ты посидишь, а я отойду ненадолго? - мама ласково проводит ладонью по моей щеке, голос грустный, тихий. Поворачивается к бабушке в зеленом пальто: - Вы не присмотрите? Мне нужно билеты купить.

- Конечно, милая. Иди. Я отвлеку мальчика, - добродушно кивает старушка.

- Я на минутку, малыш, - Мама нежно улыбается мне, но глаза ее остаются грустными. Она нерешительно прижимает к себе сумку, переводя взгляд на большие окна вокзала, вздрагивает, а потом застывает. Ее руки дрожат, голубые

глаза блестят, словно снова слезы на подходе, растерянно оглядывается по сторонам, кусает губы.

– Пожалуйста, присмотрите за моим сыном, – повторяет охрипшим голосом, обращаясь к старушке, и порывисто обнимает меня, целуя в щеку. Ее губы ледяные, словно до сих пор не отогревшиеся. От нее по-родному пахнет ванилью и корицей. Вкусно, сладко, как пирог, который мы еще вчера все вместе съели, а аромат остался, на волосах, на одежде. – Я очень тебя люблю. Больше всех люблю. Никуда не уходи. Дождись, маленький мой. Я... вернусь, – шепчет мама и уходит, сливаясь с толкущейся в зале ожидания толпой.

– И куда вы с мамой уезжаете? – добрым голосом спрашивает старушка, повернувшись ко мне и заглядывая в лицо. Я думаю о пироге и о творожниках, которые тетя Тоня без нас будет есть на завтрак, о слезах в голубых маминых глазах и об Америке какой-то загадочной.

– Домой, – отвечаю я, и, спохватившись, пытаюсь найти взглядом среди снующихся туда-сюда тепло одетых людей с сумками и чемоданами стройный силуэт мамы в черном пальто. – В Америку, – добавляю с важным видом.

– В Америку? – удивленно переспрашивает бабушка. Улыбается, как маленькому и несмышленому. – Ты что-то перепутал, милый. Поезда в Америку не ходят.

Она хочет еще что-то спросить, но тут к нашим креслам подходят высокая женщина и мужчина с густыми усами и лысой головой. Называют старушку в зеленом пальто и красном берете «мамой» и уводят за собой. Поезд прибыл. В Москву поезда ходят. А в Америку нет. Почему?

Бабулька замешкалась, с беспокойством глядя на меня.

– Мне пора ехать, малыш. Ты дождись маму. Никуда не уходи. Хорошо?

Я киваю, улыбаюсь на прощание, машу рукой. Какая глупая бабушка. Куда я могу уйти без мамы?

Я жду. Жду. Время идет, а мама все не возвращается. Пассажиры один за другим поднимаются с кресел и уходят неизвестно куда. Садятся в свои поезда,

которые никогда не приедут в Америку и умчатся прочь. Их места занимают другие. Суется, спорят, прощаются. Некоторые бросают на меня хмурые вопросительные взгляды, да так и проходят мимо. Торопятся. Некогда им остановиться, спросить, кого ждет этот мальчуган, закутанный в шерстяной платок, почему один и где его родители. А я нос варежкой вытираю и жду. Мама вернется. Она же обещала. И вдруг на меня накатывает страх. Потерялась, наверно! Ну, конечно же! Мы ни разу не были в этом месте и вообще никогда далеко не отходили от дома тети Тони. Только в магазин и аптеку. Или еще навещали тетю Тоню в школе, где она работает учительницей, и мы все вместе пили чай с пирогами в столовой.

Я стараюсь не плакать, вглядываясь в лица всех входящих и выходящих через тяжелые двери людей. Точно потерялась! Что же делать теперь? Как найти? Неожиданно, среди поспешно покидающих вокзал, мелькнул силуэт в черном пальто.

– Мама, я здесь! – кричу я, и выскакиваю следом. Такое же пальто, как у мамы, и волосы светлые из-под шапки выбиваются. Она! Она! Нашлась. Мамочка моя! Я бегу по снегу. Он хрустит, скрипит под ногами. Полная дама в шубе и солидный дяденька преграждают мне путь, поймав за воротник.

– Кто тут у нас такой шустрый? Мальчик, ты потерялся? Ты чей? – спрашивает дама в шубе, но я не смотрю на нее. Только вперед. Черное пальто, светлые волосы... Она оборачивается, и, вскрикнув, я закрываю лицо варежками. Ошибся. Не она. Сердце быстро-быстро бьется. Чужие руки держат за воротник.

– Надо позвать милицию. – Раздаётся над ухом. – Мальчишка один. Потерялся, наверно.

– Не один. С мамой. Я маму ищу, – кричу отчаянно, вырываюсь, шерстяной платок и одна варежка остается там, на дороге. Со всех ног бегу прочь, бегу так быстро, как могу. Холодный ветер обжигает лёгкие, изо рта вырывается белый пар. Я не разбираю дороги, хлопья снега летят в глаза, колют ледяными иголками. Сапоги проваливаются в сугробы почти полностью, снег попадает внутрь, забивается под теплые ватные штаны. Я замедляю бег, задыхаюсь. Мне страшно, страшно, что незнакомые люди догонят меня и увезут с собой, но еще больше боюсь не найти маму. Она же просила меня ждать. Я во всем виноват, убежал, не послушал. Что теперь делать?

Как вернуться обратно? В какую сторону? Сдерживая судорожные всхлипы, рвущиеся из груди, я оглядываюсь по сторонам. Меня оглушает внезапная тишина, нарушаемая только свистящими порывами ветра и моим хриплым дыханием. Белые сугробы и торчащие обледеневшие черные голые ветки, а над ними вороны, кружат, смотрят темными бусинами глаз... Страшно.

- Мама, где ты, - слабо шепчу я, горячие слезы обжигают глаза. - Я потерялся, - время от времени всхлипываю, продолжая идти наугад. Снег забивается в сапоги по самое голенище. Озябшая рука в кармане немеет. Бреду наугад, боясь остановиться хотя бы на минутку, боюсь обернуться и увидеть все то же бесконечное белое поле, стаи черных воронов над головой. В ушах стоит гул, я отчаянно пытаюсь вспомнить, с какой стороны прибежал. Не могу. Бросаюсь во все стороны. Никого. Ни одной живой души. Ни гудков поезда, ни шума вокзала. Сил совсем не остается, усталость берет свое. Оказавшись возле полуразрушенного сарая, я приседаю на кучу какого-то тряпья, прижавшись к стене. Дрожу от холода, трясусь всем телом, стучу зубами, продолжая угасающим голосом звать маму. Хрипло, едва слышно, пока не исчезают все звуки. Перед глазами мерцают белые точки, сливаясь в призрачный туман. Обледеневшие ресницы тяжелеют, и вдруг мне становится тепло и спокойно, как несколько часов назад - в уютных нежных объятиях. Ваниль и корица... Мне кажется, что она рядом, вернулась и обнимает меня, согревая, укачивая, и я слышу ее голос, который повторяет нашу любимую считалку:

Шесть-три, черепаха,

Два-четыре, пальмочка,

Пять на паруснике опять.

Уплывает вслед за ним,

Весь в полосочку дельфин.

Остаешься ты один....

США, штат Иллинойс. Чикаго.

29 ноября 1995 г.

«Мой дорогой друг!

Спешу сообщить тебе, что я выполнил твое поручение, которое оказалось весьма хлопотным и сложным. Но результат должен тебя удовлетворить. Однако мне не удалось получить сведения о нахождении некой собственности, которую ты стремился вернуть. Я буду продолжать поиски, и рано или поздно они приведут к успеху.

Я передал твое послание, и, к сожалению, не получил ответа. Слишком эмоциональный момент, непростой. Это произошло быстро, с минимальными страданиями, и без последствий, которые могли бы побеспокоить тебя.

Мой дорогой друг, вся бюрократическая и юридическая сторона вопроса соблюдена, она вернется домой частным самолетом завтра в два часа дня.

P.S. Она была отважной и красивой женщиной. Никогда еще задача не была для меня столь тяжелой. Надеюсь, мои моральные мучения будут достойно вознаграждены.

Твой верный слуга Р.

Глава 1

Россия. Ростов Великий. 1996 год.

– Почему именно этот мальчик? Он у нас совсем недавно и еще не до конца адаптировался. У вас могут возникнуть с ним сложности. Вы хорошо подумали? – крупная суровая женщина в сером шерстяном костюме, из-под которого выглядывала неопределенного цвета блузка, поочередно одарила потенциальных усыновителей пристальным взглядом. Когда им перевели ее слова, молодые супруги Спенсеры, приехавшие за приёмным ребенком из

Америки, переглянулись и синхронно кивнули. Вежливо улыбнулись.

– Мы видели мальчика на прогулке, – произнесла Эмма Спенсер по-английски, прижимая к груди сумочку из мягкой бежевой кожи. Девушка-переводчица, скромно расположившаяся на выцветшей тахте у стены за спинами Спенсеров, быстро перевела сказанную фразу, но Антонина поняла и без нее. Стивен Спенсер обнял жену за плечи, нежно ей улыбаясь.

Лютаева Антонина Федоровна почувствовала легкое раздражение, глядя на явно небедствующих американцев, которых непонятно каким ветром занесло в их края. Документы в порядке, придраться не к чему, еще и крупный благотворительный перевод сделали. Все такие идеальные, чистенькие, с красивыми улыбками, но заведующую все равно что-то в них настораживало. Она и сама не могла объяснить причины своей неприязни и недоверия. Патриотические ли чувства разыгрались или какой другой фактор...

Например, кремового цвета шелковое платье на Эмме Спенсер, сережки с бриллиантовым блеском, лакированные туфли из натуральной кожи и сумка в тон к ним. Или ее слишком красивый и высокий муж, смотрящий на супругу с откровенным обожанием? Потенциальные кандидаты на усыновление оказались красивой и гармоничной парой. Высокий светловолосый, атлетически-сложенный Стивен Спенсер с серыми глазами в дорогом темно-синем костюме и смуглая миниатюрная зеленоглазая брюнетка Эмма Спенсер с красивой улыбкой. Они разительно отличались от всех, с кем приходилось иметь дело Антонине Федоровне. Слишком все гладко, решила для себя Лютаева. А раз гладко, значит, нечисто.

– Ну, да. Да. На прогулке... – задумчиво проговорила Антонина Федоровна, опуская взгляд на анкету Ветрова Евгения, постукивая карандашом по деревянной столешнице. Провела рукой по пережжённым химией волосам, вздохнула, и снова окинула супругов суровым взглядом. Поджала накрашенные коричневой помадой губы, заметив с легкой завистью, что Эмма Спенсер практически не пользуется косметикой и выглядит, как девочка в свои двадцать семь лет. Детей своих нет и не будет, согласно легенде, которую они с мужем изложили.

– А, что у вас в Америке нет детских домов? – решилась-таки спросить Лютаева. Как только переводчик, которого Спенсеры привезли с собой, озвучил ее вопрос, взгляд Стивена Спенсера стал острым, холодным. Ага, подумала радостно

Антонина, есть и в тебе чертовщинка.

Было заметно, что Спенсер не очень хочет отвечать на заданный вопрос. Он повернулся к невысокой полненькой девушке-переводчице, и быстрым бесстрастным голосом продиктовал свой ответ, который она тут же перевела:

– Почему же, нет? Но у нас гораздо сложнее пройти все процедуры усыновления. Я – полицейский, офицер. Это, как оперативник в России. Но даже этот факт не помог ускорить процесс. Мы пытались. Для нашей страны мой доход является более чем скромным. Моя супруга – медсестра в больнице. Мы – простые люди. А предпочтение, при принятии решения отдается более обеспеченным кандидатам. Мы могли бы ждать своей очереди еще несколько лет.

Антонина Федоровна снова кивнула. Она могла при желании прицепиться к незнанию родного языка выбранного усыновителями ребенка, но оказалось, что мальчик знал английский куда лучше, чем сама Лютаева. Его мать по документам русская, но, возможно, какое-то время жила за границей или собиралась уехать.

– Я сейчас приглашу Гридасову Инессу Игоревну. Она работает воспитателем в группе Жени, и расскажет вам об особенностях его характера и других нюансах, а после мы проводим вас в комнату, где вы сможете поговорить с мальчиком, – сухо изложила Лютаева. Девушка-переводчица быстро затараторила. Спенсеры закивали. – А сейчас прошу меня извинить. Удачи вам.

Антонина Федоровна быстро покинула свой кабинет, и ей на смену вошла высокая худощавая молодая женщина с длинной косой русого цвета, обернутой вокруг головы. Она скромно, немного смущенно улыбнулась. Эмма Спенсер с любопытством окинула изучающим взглядом необычную прическу. Они с мужем встали, чтобы поприветствовать педагога. После пожатия рук и официального знакомства, Инесса Игоревна еще больше ступсевалась. Она не осмелилась сесть на место заведующей, и так и осталась стоять, неловко переминаясь с ноги на ногу.

Когда педагог начала говорить, то постоянно бегала взглядом с толстушки-переводчицы на супругов, не зная, к кому обращаться. Ситуация была для нее новая. Не каждый день в их детский дом приезжают иностранцы.

– Таня, скажи, чтобы она не волновалась. И говорила с паузами, чтобы ты успевала переводить, – улыбаясь Инессе, обратился Стивен к переводчице на английском. Когда Таня выполнила просьбу, Гридасова заметно расслабилась и заговорила уже более ровным и спокойным голосом, останавливаясь после каждой пары предложений. Спенсеры вслушивались в каждое слово, внимательно глядя на воспитателя выбранного ими мальчика. Выражения их лиц отражали высшую степень заинтересованности. Им не было все равно, они переживали, и это настроило Инессу Гридасову лояльно по отношению к усыновителям.

– Женя попал к нам полгода назад. Поздней осенью. Его обнаружили местные жители недалеко от железнодорожного вокзала, – начала свой рассказ Инесса Игоревна. – Неизвестно сколько времени он провел один на улице. Мальчик сильно обморозился. Его сразу поместили в больницу. У ребенка обнаружили воспаление легких и сильное обморожение конечностей. Врачи сделали, что смогли, но пришлось ампутировать мизинцы на обеих ногах, и два пальца на правой руке. Я говорю об этом, потому что обязана предупредить об имеющихся физических особенностях. В нашем заведении есть много здоровых детей без изъянов. Мы пойдем, если вы передумаете.

Как только Таня перевала слова педагога супругам, Эмма Спенсер со слезами на глазах повернулась к мужу, схватив его за руку, он мягко сжал ее плечи и привлек к себе, что-то шепча на ухо. Инесса почувствовала, как у нее сдавило в груди. Они не передумают. Это читалось на их потрясенных лицах.

– Его мать нашли в километре от того места, где был обнаружен Женя. Согласно имеющимся у нас заключениям, причиной ее гибели стало самоубийство. Она бросилась под проходящий поезд. При погибшей обнаружили документы. В прописке был указан адрес в Ростове, но соседи ничего не сообщили о женщине и ее ребенке. Их никто ни разу не видел. Детский сад Женя не посещал, на учете в больнице не состоял. Его мать нигде официально не работала. Сведений об отце установлено не было. Мальчику повезло, что мимо сарая, возле которого его нашли, каждый день прогуливался со своей собакой один из местных жителей.

– Сейчас с ребенком все в порядке? – перевела Таня слова Эммы Спенсер, которая стирала белоснежным платком стекающие по щекам слезы.

– Да, в настоящий момент мальчик абсолютно здоров физически, – кивнула Инесса. В горле у нее стоял ком. История Жени Ветрова ее тоже очень затронула, и одно время она пыталась уговорить мужа забрать ребенка себе, но тот оказался менее сентиментальным. – Но с психологической стороны могут быть проблемы. Вы знаете, дети все по-разному привыкают к детскому дому. Поначалу, Женя совсем не говорил, постоянно плакал, сторонился других детей, не шел на контакт с педагогами. На вопросы, почему он плачет, Женя всегда отвечал, что у него потерялась мама, и ему необходимо ее найти. Когда спустя время он немного освоился и оттаял, то стал просить воспитателей помочь ему найти маму, неоднократно выбегал за ворота. Из отчета детского психолога можно сделать вывод, что у ребенка с матерью была очень сильная эмоциональная связь. Так бывает, когда другой социальной жизни у малыша нет. Она была единственным человеком, которого он знал. И все, что с ним случилось, стало потрясением для детской психики. Он отказывался осознавать, что мама не придет, и настаивал на том, что если ему не позволят ее найти, то тогда он будет ждать, когда мама сама придет за ним. Я не должна вам этого говорить... Антонина Федоровна меня отчитает, – женщина сделала паузу, глубоко вздохнула, и продолжила. – Первые полтора месяца Женя отказывался от еды, почти не спал ночами, и все свободное время стоял у окна, высматривая маму. Это было душераздирающее зрелище. Потом наступили новогодние праздники, во всех группах проводили «елки». Это такие мероприятия с танцами вокруг рождественского дерева и подарками. Все детки очень радуются и ждут сладости или игрушки, которые получают взамен на стишки. Когда праздник проходил в группе Жени, он, как обычно, сидел на своем стульчике вдали от остальных ребят, в конкурсах не участвовал. Постепенно подарки раздали всем ребятам, кроме Жени. Дед Мороз, или Санта-Клаус по-вашему, сам подошел к мальчику. Малыш отреагировал странно. Он отказался от протянутой машинки в яркой упаковке и шепотом спросил у Деда Мороза настоящий ли он, а потом вернул машинку и сказал, что ему нужен другой подарок... – Инесса отошла к окну и выглянула во двор. Ее переполняли эмоции, на глаза набежали слезы. Она работала здесь всего два года и еще не выработала иммунитет к детскому горю.

– Не надо мне машинки. Верните мне маму. Она потерялась. Так он сказал, – воспитатель судорожно вздохнула. – Я много видела здесь самых разных историй. И, конечно, все дети переживают, оставшись без родителей, но с такой настойчивостью я столкнулась впервые. Женя очень развитый мальчик, он знает хорошо английский язык, считает, читает, что само по себе удивительно. Ведь в детский сад он не ходил. Это целиком заслуга его матери. Если вы возьмете его, я вас очень прошу, сделайте так, чтобы он был счастлив. Не подведите его.

Инецца Игоревна посмотрела на Спенсеров. Они были откровенно потрясены услышанным. Эмма плакала на плече у мужа. Она что-то говорила ему, но Гридасова не понимала. Молодая женщина чувствовала, что эти люди по-настоящему заинтересованы в мальчике, и они искренни в своем желании позаботиться о нем, а это все, что сейчас имело значение.

Вцепившись в пиджак мужа, Эмма взволнованно говорила заплаканным голосом, заглядывая в его лицо. Её слова никто не переводил. Толстушка Таня стояла чуть поодаль и безучастно смотрела на носки своих коричневых туфель.

– Как они нашли ее? Как? Мне так жаль, Кеннет. Это мы виноваты.

– Говори тише, Эмма. Не мы, я. Ты ничего не знала. Мы все исправим. Мы увезем его. Мы все сделаем, что бы он забыл, – Спенсер отвечал более сдержанно, как и положено мужчине, но по напряженной линии челюсти и сжатым губам было заметно, какое сильное впечатление на него произвело услышанное.

– Вы готовы встретиться с мальчиком? – спросила воспитатель, дав Спенсерам пару минут на обсуждение. Таня быстро перевела. Эмма вопросительно посмотрела на педагога.

– Мы можем говорить с ним по-английски? – спросила она. Инецца поняла и без перевода.

– Попробуйте поздороваться, а дальше посмотрим. Я должна предупредить еще кое о чем. В прошлом месяце Женей заинтересовалась русская семья из Москвы, но он отказался с ними разговаривать и, расплакавшись, попросился обратно в группу. Поэтому будьте готовы и к такому варианту событий.

Услышав перевод, Эмма Спенсер заметно расстроилась и обеспокоенно взглянула на мужа. Он ободряюще улыбнулся жене, сказав:

– Все будет хорошо, он полюбит тебя.

Таня открыла было рот, но Инецца отрицательно качнула головой. Смысл этой фразы она тоже поняла без перевода.

Инесса Игоревна проводила кандидатов на усыновление в специальное помещение. Небольшая, чистая комната с аккуратно расставленными игрушками на стеллажах вдоль стен, диваном посередине, двумя мягкими креслами, круглым столиком с разложенными на нем письменными принадлежностями, карандашами и раскрасками. На полу линолеум с геометрическим рисунком, потолок покрашен белой краской, на окнах занавески в пестрый цветочек.

– Я сейчас приведу мальчика, – улыбнувшись, Инесса оставила супругов вдвоем.

Эмма бегло осмотрелась и присела на диван. Стивен поставил на столик пакет с заготовленным подарком, внутри которого находилась продолговатая коробка. Сняв пакет, мужчина сложил его и убрал в карман. Из коробки на него с задорной улыбкой взглянул персонаж комиксов Marvel – пластиковый Капитан Америка.

– Ты думаешь, в России знают, кто это? – спросила Эмма, бросив задумчивый взгляд на подарок. Муж присел рядом с ней и обнял за плечи.

– Неважно, – его губы легко прошлись по ее виску, согревая теплым дыханием. – Если будет нужно, мы расскажем или купим комиксы. Любые, какие он пожелает. Не волнуйся, Эм. Вот увидишь, ты ему сразу понравишься. Иначе и быть не может. – Еще одна ободряющая улыбка немного развеяла сомнения Эммы.

Когда Инесса завела мальчика в комнату, они оба поднялись ему на встречу, сверкая доброжелательными ласковыми улыбками. Он показался им очень трогательным, маленьким и очаровательным. В простых черных шортиках, голубой футболке с желтым утенком на груди, белых носочках и коричневых сандалиях. Темные кудри обрамляли серьёзное личико с яркими синими глазами, которые смотрели на них совершенно по-взрослому. Растеряно, оценивающе, вопросительно.

Воспитатель мягко подтолкнула его вперед, но он продолжал испуганно жаться к ее ногам. И тогда Эмма решилась на первый шаг. Она взяла коробку с Капитаном Америка, и, не переставая лучезарно улыбаться, подошла к мальчику. Он сделал еще шаг назад, в глазах мелькнуло беспокойство. Эмма присела перед ним и мягко взяла за руки. Ребенок напрягся, но не вырвался. Он изучал ее пристальным настороженным взглядом.

– Привет, я привезла тебе подарок. Ты хочешь посмотреть, что внутри? Мы приехали к тебе издалека. Из Америки. Ты знаешь, где это? – Эмма ласково улыбалась, пытаясь понять по выражению лица мальчика, понял ли он то, что она сказала. Когда в глазах ребенка появились слезы, ее сердце упало. Она подумала, что рассказанная ранее воспитательницей ситуация сейчас повторится и малыш убежит, отказавшись общаться с ними. Эмма внешне не показала своей паники, и, подвинув подарок к ногам Жени, продолжила:

– Это Капитан Америка. А меня зовут Эмма.

И тут произошло неожиданное. Мальчик отодвинул в сторону коробку и двумя руками обнял Эмму за шею, крепко прижавшись к ней всем своим хрупким тельцем. Она растерялась только на секунду, а потом крепко обняла его в ответ, целуя темноволосую макушку.

– Митту, ты приехала, – на неплохом английском сквозь рыдания произнёс малыш. – Я так ждал тебя, а ты не приходила. Ты обещала, что мы поедем в Америку. Помнишь?

– Конечно, помню, милый. Мы поедем. Совсем скоро. Ты, я и папа. – Прошептала Эмма, поднимая полный слез потрясенный взгляд на Инессу Игоревну, которая была поражена не меньше остальных. Улыбка дрогнула на ее губах, глаза заблестели. Инесса из-за всех сил держалась, чтобы не расплакаться. Это было бы непедagogично. Решение было принято, и все присутствующие это понимали. Инесса была по-настоящему счастлива за маленького Женю, за новую семью. И она знала, что никогда не сможет забыть эту историю, сколько бы ни прошло через ее руки малышей с их трагическими судьбами и слезами. На ее глазах только что свершилось чудо. Маленький мальчик попросил Деда Мороза вернуть маму, и его желание исполнилось. Мама нашла малыша сама.

– Ты хочешь познакомиться с папой? – продолжая обнимать Женю, Эмма Спенсер повернулась вместе с ним в сторону своего мужа. Глаза ее сияли радостью. Она говорила на своем родном языке, и малыш отлично ее понимал. – Твой папа – полицейский. Он герой, ловит злодеев и сажает их в тюрьму.

– Привет, Джером. Ты же не против, если мы будем называть тебя так? Готов открыть подарок? – бодро спросил Стивен, приседая рядом с мальчиком. Женя Ветров робко улыбнулся и кивнул.

Чуть позже, со всех сторон рассмотрев новую игрушку и выслушав краткую историю изучаемого супергероя, будущий Джером Спенсер, с гораздо более доверительной улыбкой спросил у Стивена:

- Ты победил злодеев, которые забрали маму, и вернул ее?

- Да, - ответил Спенсер по-русски. Глаза малыша засияли.

- Мама сказала, что ты герой. Такой же, как Капитан Америка?

- Я полицейский, малыш. Я не герой. Это просто моя работа, - сдержанно, но с улыбкой ответил Стивен. Однако мальчик ему не поверил. Задорно рассмеявшись, он тряхнул темными кудряшками и с заговорщически прошептал:

- Ты просто скромный. Все герои скрывают, кто они на самом деле. Я никому не скажу. Ты можешь мне доверять.

Глава 2

Сент-Луис, Миссури, США, 2007 год.

- Эби, это просто гроза, - и словно наперекор моим словам, раздаётся оглушительный, сотрясающий стены дома раскат грома, освещающая спальню Эбигейл вспышками молний. Удар ветра бьет в окно, распахивая его. Струи дождя мгновенно оказываются повсюду: на подоконнике, полу, и брызги летят на кровать Эби. Я подхожу к окну, закрываю его, и возвращаюсь. Она жметесь к стене, натягивая длинную сорочку с розовыми Микки-Маусами на колени, прижатые к груди; всхлипывает и прячет лицо в ладонях. Ей одиннадцать, но Эби жуткая трусиха. И у нее страхов есть весомая причина. В отличие от Гектора, брата-близнеца Эбигейл, я никогда не смеюсь над ней, когда во время грозы Эби забивается в угол и начинает дрожать, как тростинка до тех пор, пока стихия не успокоится.

Когда ей было семь, гроза застала нас с семьей в парке на пикнике, и молния ударила в шаге от нее, подпалив траву. Она тогда потеряла сознание, и все с

перепугу решили, что разряд затронул и Эби. Пока ехала скорая помощь, она пришла в себя. Еще через год, на том же месте нас застало торнадо – тоже во время грозы. Оно не был сильным, раскидало посуду для пикника, подняло в воздух песок, мусор, кусочки травы и разный мусор. Самым неприятным в обычном для штата Миссури явлении стало то, что Эби снова пострадала: на нее упала тяжелая ветка, которую оторвало от одного из деревьев в парке. Она получила ссадину на затылке, которая долго не заживала и воспалилась. И с тех пор грозы, сопровождаемые порывами ветра, стали ее личной фобией.

Я смотрю на подрагивающие плечи, на покрасневший маленький носик, и не могу сдержать невольную улыбку. Девчонки такие чувствительные.

– Тебе нечего бояться. Дождь скоро закончится, а утром мы пойдем в зоопарк, и ты сможешь покормить Молли, – присев на краешек кровати, я мягко провожу рукой по заплетённым в косу темным волосам. – Мы не навещали Молли больше двух недель. Уверен, что она скучает по нам. Как думаешь?

Молли – это верблюд. Для меня до сих пор остается секретом, что примечательного нашла Эби в лохматой, вечно жующей Молли, недоброжелательно посматривающей по сторонам. Вот уже лет пять подряд при посещении зоопарка мы застреваем надолго возле вольера с верблюдом. И что самое удивительное, Молли заметно оживает, завидев Эби, словно узнает ее. А на меня и Гектора у характерного верблюда наблюдается несколько иная реакция. Не желая становиться объектами для плевков, мы с Геком благоразумно стараемся держаться на безопасном расстоянии от своенравного животного во время визитов в зоопарк.

– Я думаю, что ты считаешь меня глупой трусихой, – Эбигейл убирает ладони от лица, и смотрит на меня заплаканными глазами. Эби похожа на мать. На Эмму. Те же выразительные малахитовые глаза, темные волосы и смуглая кожа. Даже когда Эби ведет себя, как заноза в заднице, я не могу на нее сердиться. Не могу послать куда подальше, когда перегибает палку, и вступает в мои личные дела. Эби вьет из меня веревки, иногда бесит до чертиков, изводит капризами; ходит попятам, как хвостик, или спит на уроках, а потом мне приходится делать ее домашнее задание, потому как Гектор еще более бестолковый, чем его сестра. Отец часто смеется, что близнецам достался один мозг на двоих. Я так не думаю; просто они лентяи, и у них есть я – старший брат, который поможет, направит, исправит, научит, разрулит, и, если возникнет необходимость, заступится. Иногда эта ноша меня раздражает и хочется передать другому, но

еще одного старшего брата у нас нет. На самом деле мне не сложно, я люблю их.

Семья – это главное для человека. Его оплот, крепость. Мне семнадцать, но я знаю, о чем говорю.

– Эби, ложись спать. Гектор давно уже храпит. Представь, что гром – это храп Гека, и тебе полегчает, – пытаюсь шутить я. Гроза за окном постепенно затихает, монотонное накапывание дождя в окно расслабляет и укачивает. Я собираюсь посмотреть пару ужастиков в своей спальне, прежде, чем лечь спать. Эби послушно кивает, положив голову на подушку, я накрываю ее одеялом до самого горла. Так всегда делала мама в детстве. Она каждый вечер заходила ко мне, чтобы пожелать спокойной ночи и поправить одеяло. А уже потом шла к близнецам. Сейчас я, вроде как, вырос, и, проходя мимо моей двери, она останавливается и говорит так, что не услышит только глухой: «не забудь выключить свет, и не торчи долго в интернете». Бывают такие дни, когда я хочу, чтобы она зашла. Стыдно признаться, и я никогда этого не скажу вслух. Вроде бы мама рядом, а мне ее не хватает.

– Джером... – Эби просовывает руку под подушку и ложится на бок, глядя на меня из-под опущенных, все еще влажных ресниц. – Помнишь стишок, который ты мне рассказывал в детстве? Я после него всегда засыпала.

Вздернув бровь, я улыбаюсь, хотя хочется рассмеяться.

– В детстве? То есть сейчас ты взрослая? – поддеваю я Эби.

– Перестань, Джером. Ты судишь меня по Гектору. Он идиот. Не могу поверить, что мы провели с ним девять месяцев в одной утробе. Мне нужно было задушить его уже там, – она хмурится, а я смеюсь.

– Тебе повезло, что вы разнояйцовые близнецы, иначе, глядя на него, каждый раз ты бы видела свое собственное лицо, – сквозь хохот замечаю я. Краем уха я улавливаю скрип шин на дороге, и замечаю блики фар, проникающие в окно. В вечернее время движение на нашей улице ограничено. Но я не придаю этому значения, и перевожу взгляд на сестру. Она продолжает что-то щебетать и заговаривать мне зубы. Эби страшно и ее основная цель – не позволить мне уйти, как можно дольше.

– Кошмар, Гек слишком уродлив, чтобы быть моим братом, – Эби делает забавную гримасу, натягивая одеяло до самого носа.

– Так что со стишком? Ты помнишь?

– Конечно, – киваю я с улыбкой. – А ты? Давай проверим твою память?

– Да, легко! – задорно улыбается мне Эби. Ее голос больше не дрожит, а звучит звонко и уверенно. Четыре строчки про дождик рассказаны слово в слово.

– Удивительно просто. Феноменальная память – смеюсь я, и она ударяет меня по плечу.

– Издеваешься? – и мы хохочем вместе. До коликов в животе и ломоты в скулах.

– Теперь я точно не усну, – задыхаясь от смеха, говорит Эбигейл. А через пару секунд спрашивает уже совершенно серьезным голосом. Ее вопрос вгоняет меня в ступор. Слишком резкий переход. – Ты собираешься жениться на нашей соседке?

– С чего ты взяла? Какая женитьба в моем возрасте? – пытаюсь отшутиться я.

– Я говорю не про сейчас и не завтра. А вообще. Мама с папой не знают. Я им не говорила, что ты бегаешь к ней по ночам. Она клевая, Джером. Я не осуждаю тебя. И Гек говорит, что у нее шикарные сиськи. Он как-то видел, как она загорала на своём балконе.

– Откуда... – начинаю я и замолкаю на полуслове, встретив выразительный насмешливый взгляд Эбигейл. – Ты меня выследила. Снова. Эби! – раздраженно шиплю я. Пора проучить маленькую сумасбродку и хорошенько всыпать ей. Но еще больше вопросов вызывает Гектор с его замечаниями. Я невольно вспоминаю бирюзовые глаза своей соседской девчонки и другую, не менее привлекательную часть тела, которую, похоже, видел не только я. Отец пришел бы в ужас, подслушав наши с Эби разговоры. Он не раз просил меня держаться подальше от дома Уокеров, которые переехали на нашу улицу два года назад из Рокфорда. Они купили дом по соседству, раза в три больше нашего. Уокеры, как мне известно, занимаются торговлей, у главы семейства имеется свой офис и

пара магазинов в Даунтауне. Однако, несмотря на многократные попытки, соседям так и не удалось сыскать доверия моего отца. Он вообще очень осторожно относится к людям. В нашем доме почти не бывает гостей. Исключение составляют коллеги папы по работе с семьями и пара маминых подруг.

– Я наблюдала не за тобой, а за ней. У нее такие волосы, – Эби мечтательно улыбается. – Белые, словно снег, и длинные. Как у принцессы, и сама она, как... Рапунцель.

– Кто? – блаженная улыбка, вызванная воспоминаниями о соседке, сползает с моего лица.

– Не парься. Все равно не знаешь, – небрежно машет рукой Эби. – Если будете жениться, я хочу быть подружкой невесты. Так что жди, пока я вырасту. Лет пять жди.

– Договорились, детка. Мне спешить некуда. Я замолвлю о тебе словечко перед Распунцель. – Торжественно обещаю я, все еще думая о своей подружке, которая сегодня неожиданно отменила свидание, и мне пришлось провести вечер за просмотром фильмов, в компании вечно дерущихся близнецов. Не то, чтобы я жаловался...

– Рапунцель, – поправляет меня Эби. Взрыв хохота перекрывает очередной раскат грома. Ее глаза искрятся от смеха, и она, кажется, совершенно забыла о своих фобиях, а, значит, можно потихоньку сваливать. Что я и собираюсь сделать.

Не спеша, встаю с кровати, замечая мгновенно потухший взгляд трусихи Эби.

– Ты можешь оставить свет включённым, если боишься, – предлагаю я стопроцентно-работающий вариант избавления от страхов.

– Я никогда не выключаю ночник. Иногда и телевизор всю ночь работает, – отзывается подавленным голосочком Эбигейл. Она наигранно горько вздыхает, метнув в меня несчастный взгляд. В детстве мне приходилось по несколько часов сидеть с Эби и Геком, читая им перед сном. Я сам еще был ребёнком, но близнецы младше меня на шесть лет, и обязанности старшего брата никто не

отменял. Мама рано вышла из отпуска по уходу за малышами. Она работала медсестрой в больнице, и частенько возвращалась к полуночи, а няню отпускали около девяти вечера. А дальше наступало мое время. До прихода отца или матери.

- Почитай учебник истории. Это поможет тебе уснуть, - советую я. Хмыкнув, Эби прячет улыбку. Я прекрасно знаю, что она ненавидит историю, как и другие предметы, которые требуют запоминания и зубрежки.

- Доброй ночи, Эби, - мягко произношу я, протягивая руку, чтобы открыть дверь.

В следующее мгновение мы оба вздрагиваем. Из гостиной, находящейся прямо под нами, доносится резкий звук, похожий на удар двери о стену. Эби тоже слышит, и улыбка гаснет на ее губах. Мы молча смотрим друг на друга, растерянно застыв.

То, что произошло дальше, стало для меня на долгие годы жутким ночным кошмаром, избавиться от последствий которого я так и не смог. Это был закат эры супергероев, которыми я грезил в детстве. И начало новой жизни, в которой мне предстояло стать частью той неистребимой силы, с которой много лет боролся мой отец. Меня безжалостно и грубо выдернули из состояния беспечной спячки и бросили в реальность, о которой я не имел не малейшего представления. Я не мог сопротивляться, не мог остановить движение несущегося на меня локомотива. Механизм был запущен, отчет пошел на минуты.

Но, тогда, в первые секунды, я еще не подозревал, чем все закончится, во мне еще жили наивные бредни о том, что нас есть кому защитить.

События развивались быстро, непредсказуемо, необратимо. Внизу раздался топот ног, приглушенные грубые мужские голоса, сдавленный крик матери. Меня охватил озноб, потом сразу жар, голова закружилась, пульс забился со скоростью света. Я знал, что папа с мамой находились в гостиной - в это время они обычно смотрели телевизор. Глухой звук заставил нас с сестрой содрогнуться от страха, мы даже дышать перестали. Эби смотрела на меня с ужасом. Смертельно-побледневшая, словно белое полотно. После минутного затишья снова раздался хриплый возглас отца, гневные крики, звуки ударов, плачь матери, грохот падающей мебели.

Эбигейл вскочила с кровати и прижалась ко мне. Ее трясло, меня тоже, но я пытался держаться.

– Что это, Джером? – пискнула она, и я приказал ей молчать, приложив указательный палец к своим губам. Мы оба тяжело и быстро дышали, чувствуя, что происходит нечто ужасное. Прямо сейчас. Я заглушил инстинктивное желание ринуться вниз. Мне необходимо позаботиться о младших брате и сестре. Отец справится. Мой отец – несокрушимая скала. Гроза неблагополучных улиц Сент-Луиса. С ним не связывались даже банды криминальных районов. Он – блюститель порядка, сержант местной полиции, десять лет отработал офицером на улицах, был дважды ранен. Он и сейчас в прекрасной форме, хотя последние два года не патрулирует криминальные районы. Мой отец – герой, и я в этом никогда не сомневался.

– Ничего не говори, – схватив Эби за руку, я потащил ее к двери, стараясь двигаться бесшумно. Надо вызвать полицию, мелькнула в голове здравая мысль. Мы вышли в коридор. Шум шагов на лестнице заставил меня ускориться. Кто-то поднимался на второй этаж. Я затолкнул сестру в комнату Гектора, который тоже уже не спал, и в ужасе смотрел на нас. Паника не лучший друг в критических ситуациях, но у меня дрожали руки. Я не знал, что делать, и оставалось только надеяться, что отец сможет защитить нас. Никто не может так просто ворваться в дом полицейского. Наверняка наряд уже выехал. Нужно просто спрятаться и переждать. Я запер дверь спальни Гектора изнутри. И, достав из кармана мобильный, набрал 911. Соединение еще не установилось, когда дверь слетела с петель от удара ноги. Два огромных темнокожих незнакомца ворвались в комнату. Один схватил Гектора за шкуру, словно котенка, поднял с кровати и швырнув на пол. Второй выбил из моих рук телефон и раздавил, сверкнул яркими белками на фоне темного лица. Эби закричала, и тот, что стоял над рыдающим на полу Гектором, грубо схватил ее за волосы, дернув назад так сильно, что она упала прямо на брата.

– Что вы делаете! Они же дети! – инстинкт самосохранения не сработал, и я бросился на верзилу, поднявшего руку на Эби. Тот недолго думая ударил меня в лицо, и я отлетел назад, ударившись затылком о стену. Зашкаливающий адреналин не позволил почувствовать боль. Или бандит специально бил так, чтобы испугать, а не искалечить. Эби зарыдала в голос, умоляя отпустить нас, и второй бугай влепил ей пощечину, от которой ее голова дернулась в сторону. Она затихла, вздрагивая от немых рыданий, волосы растрепались, рассыпавшись по плечам. Эби подняла голову и посмотрела на меня полным отчаяния

взглядом. Я увидел кровь на ее лице и от собственного бессилья и глухой ярости закричал зубами. Я мог дать им сдачи, мог попытаться защитить близнецов, но меня что-то останавливало. Внутренне чутье подсказывало, что сделаю только хуже, если мы будем сопротивляться.

– Тащим щенков вниз. Там разберемся, кто из них нужен Моргану, – рыкнул обидчик Эби. Он схватил ее за волосы, а Гектора за футболку на спине и поволок за собой. Второй резко рванул меня за олимпийку, заставив встать, и тут же мне в бок уперлось что-то холодное. Опустив глаза, я увидел дуло пистолета. Мое сердце пустилось в галоп, на спине выступил холодный пот. Да, мне было страшно, но этот страх был заряжен яростью, которую я впервые ощутил в себе в бешено зашкаливающей консистенции. Эби выглядела не старше десяти лет, совсем девочка. Маленькая, тоненькая. Что за звери способны поднять руку на ребенка?

– Сам пойдешь? – криво усмехнувшись, спросил тот, что держал пистолет у меня под боком, обнажив крупные неровные зубы. Мне хотелось плюнуть ему в лицо. Он был не намного выше меня, и пусть я уже в плечах и не такой мощный, но мне есть, что противопоставить его физической форме. Станет ли он стрелять? Зависит от полученного приказа. Если это грабители, то они уйдут, как только получат все, что им нужно. Воры же не стреляют в людей? Нет? – Или тебе помочь, парень?

Я коротко кивнул, сделав шаг вперед. Во рту пересохло, я тяжело сглотнул.

– Быстрее, сучонок, – рявкнул верзила, подтолкнув меня пистолетом в спину.

Я шел и смотрел перед собой. В голове не было ни одной мысли. Только стойкое ощущение нереальности, абсурдности происходящего. В нашем районе, славящимся своей безопасностью, такого просто не может происходить. Здесь не стреляют, не вламываются в дома, не грабят. Да, я знаю, что город печально известен высокими показателями преступности, но не здесь, не в моем районе. Мы живем на закрытой охраняемой улице. Вокруг стриженные газоны, аккуратные скромные домики, соседствующие с откровенно шикарными коттеджами, в которых живут благопристойные американцы, одержимые утренним фитнесом. Как эти ублюдки просочились сюда незамеченными? Что им нужно?

Мой отец сержант полиции, снова и снова повторял себе я. Он посадил за решётку десятки таких отморожков, как тот, что тащил Эби за волосы. Она упиралась руками и ногами, всхлипывала от боли, хваталась руками за перила лестницы, ведущей в гостиную. Гектор подавленно молчал, он находился в шоке, практически не сопротивлялся. А я все ждал звука сирен полицейских машин или появления отца с пистолетом в руке. Я знаю, он бы смог уложить отморожков в два счета. И я тоже мог попытаться, но папа всегда говорил, что прежде чем начать махать кулаками, необходимо оценить ситуацию и всевозможные риски, а только потом уже выбирать тактику и действовать. Самая большая ошибка, по словам отца – недооценить врага и переоценить собственные силы.

Я выучил наизусть все его уроки. Отец учил меня драться; начал тренировать еще в раннем детстве и к семнадцати годам я овладел несколькими восточными боевыми искусствами. Заниматься было не в тягость, я не заставлял себя. Мне нравились наши тренировки. Они закаляли характер и силу воли, делали моё тело выносливым, крепким, подвижным. Но больше всего я ценил не то, что получал в итоге, а внимание отца; его уважение и похвалу, гордость, которая светилась в светлых глазах, когда он наблюдал мои успехи. Однако тогда я не понимал, почему отец выбрал именно меня для ежедневных выматывающих занятий в спортзале, который оборудовали мы с ним, вдвоем, своими руками. Гектора он даже не пытался тренировать, да и тот не особо рвался. Мысль о том, что отец готовил меня к чему-то или пытался защитить, никогда не приходила в голову. Я считал себя особенным, избранным... Я ошибался. Частично. Меня действительно избрали, но вовсе не для того чтобы я пошёл по стопам отца и стал полицейским, сражающимся с разгуливающей по улицам города преступностью.

Мне была уготована другая судьба. Лучше бы отец сказал правду в самом начале. Я бы не растерялся так сильно, когда этот день настал. День, когда все изменилось... Когда все мои представления о героизме, храбрости, отваге и справедливости рухнули в одночасье. Капитан Америка – кумир многих мальчишек по всему миру, существовал только на страницах комиксов, но для меня в мои пять, шесть, семь и даже десять лет он был настоящим. Я видел его каждый день, когда бежал навстречу возвращающему со службы отцу. И совсем другой – сверкал белозубой американкой улыбкой с экранов телевизоров и обещал, что избавит этот мир от любой мерзости. Я не знал тогда, что мы находимся с ним по разные стороны. И мне никогда не суждено стать героем.

Но надежда, отравляющая и не убиваемая надежда заставляла видеть происходящее в искаженном свете. Пару минут. Надо потерпеть пару минут и все закончится. Эти люди перепутали адреса, они пришли не туда и не к тем. Как только ублюдки выяснят, что ворвались в дом к полицейскому, они уйдут, сбегут, поджав хвосты, но пощады не будет. Отец и его опергруппа найдут каждого и накажут по всей строгости закона.

А потом я услышал голос. Твёрдый, спокойный, в какой-то степени даже умиротворённый, но источающий ощутимую угрозу:

– Вот и детишки, Кеннет. А ты говорил, что вы вдвоем дома.

Я не мог рассмотреть говорящего. Обзор мне закрывала широкая, состоящая из горы мышц, спина афроамериканца, грубо тащившего за собой Эби и Гека. Чувствительность начала возвращаться и запульсировала болью с правой стороны лица. Какого хрена он называет отца Кеннетом, мелькнула запоздалая мысль. Его точно перепутали с кем-то другим. Это недоразумение. Ошибка. Я даже на долю секунды позволил себе расслабиться.

Эби и Гектора отпустили, грубо толкнув к стене, и приказав сидеть тихо и не подавать голоса, а я все еще чувствовал вжатое мне в спину обжигающе-ледяное дуло. Облегчение было не долгим. Все надежды на чудесное спасение рухнули, когда я увидел своего мужественного несокрушимого отца в наручниках. Его лицо было разбито и перекошено, под правым глазом образовалась синяющая гематома, с уголка губ и из носа сочилась кровь, обильно поливая серую рубашку. Он сидел на полу в центре комнаты, вытянув перед собой ноги. Прямо над ним возвышался еще один огромный верзила. Белый. Я только сейчас заметил, что все они были одеты в деловые костюмы, словно явились на переговоры. Это не были парни из гетто...

– Вот скажи мне, Кеннет, ты, правда, думал, что я тебя не найду? Или тебе так не терпелось прижать меня, что о семье ты беспокоился в последнюю очередь? – спросил все тот же голос.

Мой взгляд метнулся от отца к матери. Она, сгорбившись, сидела на стуле, напротив мужа. Лицом к лицу. Маму специально посадили так, чтобы папа видел, как ей больно и насколько страшно. Ее руки были зафиксированы сзади и перемотаны скотчем. Она безмолвно плакала, опустив голову.

– Мама, – сипло позвал я. Она услышала, вздрогнула, подняв голову, закусила губу. На ее лице не было следов побоев, только дорожки от слез. В зеленых глазах отразились боль и страх, страх за нас. Только за нас. Я знаю, что собственное спасение сейчас волновало ее меньше всего. Перед глазами всплыло давнее воспоминание о том, как увидел Эмму Спенсер впервые. Она была воплощение мечты об идеальной матери, а отец – вылитый Капитан Америка. Они стали моими героями и научили меня не бояться холода и темноты, они дали мне больше, чем дом и еду, они дали мне семью, любовь и ощущение безопасности, в которых я прожил последние двенадцать лет.

Я еще не знал, кто эти люди, решившие, что время мира подошло к концу, но осознание того, что ничто не останется прежним, постепенно укреплялось в моей голове. Я чувствовал, что стаю на краю пропасти, и вот-вот полечу вниз с огромной высоты.

– Семнадцать лет, Кеннет. Чертовски большой срок. Но ты недооценил мои связи. Мое пожизненное заключение закончилось раньше, чем ты предполагал, – хмыкнул мужчина, в расслабленной позе восседающий в кресле, привлекая к себе мое внимание. Я перевел на него взгляд и ощутил, как все внутренности сжались, парализовав мышцы. Не осталось никакой надежды на случайность или ошибку. Ублюдки пришли туда, куда хотели.

Я видел его... этим утром.

Возле моей школы. Я выходил из ворот, когда обратил внимание на чёрный Ягуар, возле которого стоял мужчина, сверлящий меня тяжелым взглядом. Я прошел мимо и направился к остановке, несколько раз обернувшись на высокого незнакомца в элегантном костюме глянцево-черного цвета. Небрежно прислонившись к капоту красивой и дорогой машины, мужчина неотрывно смотрел на меня. У него не было возраста. Он источал власть, роскошь и силу. Поджарое телосложение, ледяной взгляд и тяжелая подавляющая самоуверенность, от которой бросало в дрожь. Я почувствовал исходящую от незнакомца опасность уже тогда, и прыгнул в первый попавшийся автобус.

И вот он здесь. В том же безупречном костюме. С тем же пронизывающим до костей взглядом. Он не гангстер, не бандит. Он страшнее, опаснее. Это зверь, безжалостный убийца, замаскированный под цивилизованного человека, но пришел он сюда не договариваться и не вести деловые переговоры. Он пришел требовать и убивать.

И когда его синие глаза остановились на мне, меня охватило мрачное предчувствие, что появление этого человека и его головорезов как-то связано со мной. Я привел беду в свой дом. Я не знал, откуда взялась эта уверенность, но чем дольше я смотрел в приобретающие фиолетовый оттенок глаза мужчины, тем больше понимал, что мои предположения не плод охваченного паникой воображения.

– Ты не похож на мать, – неожиданно обратился ко мне «синеглазый» вкрадчивым, обманчиво-ласковым тоном. Я перевел взгляд на всхлипывающую маму, и он заметил. Лицо его потемнело, губы скривила грубая ухмылка. – Не на эту мать. Они же сказали тебе правду, Джером?

– Он знает, что мы не его биологические родители. Никто не скрывал от него этого, – подал голос отец. Огромный амбал в костюме ткнул дуло пистолета ему в висок.

– Молчать, пока тебя не спросили, – рявкнул он.

Я задержал дыхание, внутри полыхнула ярость. Дёрнувшись, я попытался вырваться, но получил ощутимый удар по ребрам. Не согнулся, выстоял, но боль на несколько секунд буквально подкосила и ослепила меня.

– Тише, Карлос. Пусть говорит. Мы так давно с тобой не беседовали, Кеннет. – продолжил незнакомец, подняв руку ладонью вперед в небрежном жесте, и тот, кого называли Карлос, отступил на шаг в сторону. – Я вижу, что ты не рад меня видеть.

– Как тебе удалось выйти раньше срока? – спросил отец.

– Всегда есть варианты для того, кто ищет. Я заключил сделку с твоим бывшим боссом. Сдал ему несколько главарей банд, лютующих в Чикаго. Ты же не думал, что после моего ареста жизнь в твоём городе сразу изменится к лучшему? Кстати, мне понравился Сент-Луис. Хуже, чем Чикаго, меньше, но я оценил твой выбор. Неплохой город. Я намерен обосноваться здесь. К тому же я собираюсь вернуться в бизнес. Легальный бизнес. Не успеешь оглянуться, как мэр города начнет приглашать меня на свои семейные праздники. Тебя некому защитить тут, Кеннет.

– Ты не убьешь меня. Не посмеешь, – яростно прорычал отец. – Это будет означать войну. Все твои договорённости потеряют силу.

– Я и не собирался убивать тебя. Зачем? Я не для этого ждал долгих семнадцать лет. Ты не хочешь спросить меня, как я тебя нашел... и когда? – темно-синие глаза опасно сверкнули. Мужчина сжал подлокотники кресла, не сводя с отца торжествующего острого, как кинжал, взгляда. Хладнокровный ублюдок упивался ситуацией, получал удовольствие от каждого мгновения. Меня охватило отчаяние и безысходность. Сверху доносился грохот, и я понял, что там орудуют люди самоуверенного незнакомца, восседающего в кресле. Трое головорезов внизу, сколько на втором этаже неизвестно. Сопrotивление бессмысленно. Это крах.

– Иди к черту, Кертис, – выплюнул отец. – Мне плевать. Отпусти детей и мою жену. Решим вопросы один на один. По-мужски. Они тут не причем.

– Считаешь меня идиотом? – ухмыльнулся «Кертис». Расслабленно откинулся назад, скользнув взглядом по разбросанным по гостиной вещам, перевёрнутой мебели и разбитой посуде на полу. – Они останутся. Это даже не обсуждается. Давай к делу. Ты знаешь, зачем я пришел?

– Я ничего тебе не должен! – сплюнув на пол сгусток крови, прохрипел отец. – Это была честная сделка. Дайана сдала мне тебя, я помог ей скрыться. Я не нарушал закон. Ты был виновен и получил заслуженное наказание. Зачем ты убил ее, Кертис? Она просто спасала свою жизнь. У нее не было другого выбора, и ты это прекрасно понимаешь.

– Я убил? – Кертис изумленно вскинул брови, наклонившись вперед. – Ты забываешь, что я сидел в тюрьме, когда Дайана погибла. Мы оба знаем, кому была выгодна ее смерть. Верни мне то, что она взяла, Кеннет. Я уверен, ты знаешь, что я имею в виду. – тон его голос изменился. В нем преобладали металлические нотки, означающие, что время переговоров подошло к концу.

– О чем ты говоришь? – отец вскинул голову, одним глазом (второй полностью заплыл) глядя на невозмутимого виновника творящегося сейчас беспредела.

– Дайана ушла не с пустыми руками. Пять миллионов долларов. Именно такая сумма была в исчезнувшем дипломате во время задержания, – чеканя каждое

слово, ответил Кертис. – И кое-что еще.

– Это твои фантазии. Во время задержания, кроме изъятой партии наркотиков и личного оружия в конфискационном списке ничего не было, – яростно возразил отец, и я верил ему, в отличие от его оппонента.

– Деньги были, – настаивал Кертис. – Их взяла Дайана. И передала тебе. Она не могла вывезти из Штатов пять миллионов зеленых наличными. Я вычту из этой суммы пятьсот тысяч, ты все-таки воспитывал ее ублюдка.

– Как ты смеешь так говорить... – зашипел отец, его лицо исказила злоба и ненависть.

– Я называю вещи своими именами, – невозмутимо парировал Кертис.

– Джером не вещь.

– Нет, но он ублюдок. Хочешь поспорить? С парнем я разберусь сам. Верни деньги, Кеннет. Верни мне все, что эта сука украла у меня.

Прищуриив потемневшие глаза, синеглазый подонок какое-то время рассматривал моего отца, раздумывая о чем-то своем.

– Если тебе есть, что еще мне предложить..., – холодно начал он, небрежно поправляя галстук. Его пристальный взгляд был прикован к лицу отца. – Что-то более важное, чем пять миллионов, то я готов забыть о деньгах. Подумай хорошенько, чем бы ты мог меня заинтересовать, Кеннет?

– Я уже сказал, что ничего не знаю. Денег у меня нет. И никогда не было. У тебя было семнадцать лет, чтобы найти меня и спросить о мифических пяти миллионах.

– Некоторые долги я предпочитаю собирать сам, Кеннет, – небрежно сообщил Кертис, вставая из кресла. На его лице мелькнуло разочарование. Он провел рукой по зачесанным назад темным волосам, спокойно разглядывая отца. Потом перевел взгляд на мать.

– Эмма, – мягко улыбнулся он, бесшумно приблизившись. Она задрожала сильнее, вжимаясь в спинку стула. Ублюдок дотронулся кончиками пальцев до ее щеки, стирая слезы.

– Не трогай мою жену, мразь, – зарычал отец, пытаюсь встать на ноги, но ему не позволили. Перекачанный мордovorот в строгом костюме ударил его локтем по ребрам, и он согнулся, осев на пол и захрипев.

– У нас нет денег, мой муж говорит правду, – всхлипнула мама. В ее глазах был страх и отрешенность.

– Твой муж идиот, Эмма. В собственных глазах он герой и победитель, но это совсем не так. Ты хочешь, чтобы твои дети жили? – она кивнула, слезы хлынули из глаз. – А ты, Эмма? Хочешь жить? – еще один кивок. – Ты знаешь, что я ищу, Эмма? Просто дай мне это, и я оставлю вам ваши жалкие жизни, и вы забудете обо мне. Я обещаю.

– Я не знаю, – отчаянно всхлипнула мама, качая головой. Кертис одернул руку, кривя губы в небрежной ухмылке. – Я ничего не знаю. Не трогай наших детей.

– А не ваших? Как насчет Джерома? – вкрадчиво спросил Кертис, поправляя галстук. Ни одной складки на идеально сидящем костюме. Он выглядел как бизнесмен, банкир или юрист, но его выдавал взгляд. Цепкий, безжалостный. Звериный. – Я забираю его, а вы живете. Согласна?

У меня похолодело внутри. Я смотрел в глаза матери, прикованные ко мне. Столько в них было страдания, боли, горя... и сомнения. Чувство вины – я явственно видел его в зеленых глазах Эммы Спенсер, женщины, которая двенадцать лет была моей любящей и любимой матерью. Мое сердце обливалось кровью. Шестым чувством я понимал, что ублюдок блефует. И такая сделка невозможна, но, если бы был ... один единственный шанс защитить Эби и Гектора... хотя бы мизерный шанс..., и она бы им воспользовалась – я бы не осудил ее.

– Давай, Эмма, скажи ему, – самодовольная усмешка раздвинула его губы. Блеснули идеально-ровные белые зубы. – Скажи, что ты готова пожертвовать им ради своих настоящих детей.

– Не смей! Он мой сын. Настоящий сын. Мой. Убирайся, – зарычала она, свирепо глядя в глаза Кертису, и мое сердце наполнилось благодарностью и в тоже время отчаянным страхом.

– Жена супергероя просто обязана быть смелой, Эмма. – Иронично хмыкнул Кертис, снисходительно глядя на нее. – Но не душой же. – Потом перевел взгляд на меня.

– Женщины, Джером, глупые существа, и бесполезные. В большинстве, но бывают приятные исключения. Я разделяю их на две категории с разными степенями полезности. К первому относятся сучки, которых я трахаю или использую для работы, вторые – секретное оружие, предназначенное для особых целей. Все остальные – скот, которым я торгую.

– Насколько я помню, ты женат, – подал голос отец, снова пытаюсь подняться на ноги. – К какой категории относишь свою жену?

– Это династический брак. Как по-твоему нам удалось договориться с Антонио Сартори? Славный у меня был тесть, и наследство оставил достойное. Жаль не дожил до внуков, – грубый, резкий смех заставляет меня вздрогнуть. – Так что сам видишь, моя супруга – первая категория, Кеннет. И она куда умнее твоей. Она знает, когда нужно держать рот закрытым. Иначе ее постигла бы участь многих других, не обладающих столь ценным качеством. – Кертис бросил на отца насмешливый взгляд. Он достал из кармана пиджака небольшой пистолет и привел дулом по щеке матери. Раздался отчаянный плач Эби.

– Не трогайте маму. Пожалуйста, мы ничего вам не сделали, – захлебываясь слезами, проговорила она. Гектор сидел у стены, закрыв ладонями лицо и раскачивался из стороны в сторону.

– Эби, молчи, – мой голос прозвучал хрипло, я дернулся вперед, загораживая собой сестру и брата. Кертис окинул меня удивленным взглядом. Парень, тыкающий мне в спину пистолетом, хотел было применить силу.

– Оставь его, Мик, – остановил его «синеглазый». – Мне интересно посмотреть, на что он способен. Что из него вырастила эта рафинированная семейка.

– Да, босс, – послушно кивнул «Мик», посмотрел на меня тяжелым взглядом и шагнул назад, скрестив руки на груди.

– Ты тоже смельчак, Джером? Хочешь заступиться за мамочку и сестренку? – насмешливо обратился ко мне Кертис. Его синие прищуренные глаза сверлили меня, забираясь под кожу. Я сжал кулаки, расставив ноги на ширину плеч. Я не боялся его сейчас. Ублюдки пришли с открытыми лицами, они требовали денег с моих родителей. Я понимал, что все это значит. Я пересмотрел сотни фильмов про гангстеров. Нас всех убьют сегодня, вне зависимости от того получают они то, что хотят, или нет. Все слова, что произносит мужик, возмнивший себя Аль Капоне, просто бред, предназначенный исключительно для его удовольствия.

– Какой грозный, – продолжил издеваться Кертис. – Твоей мамочке не повезло. Она старовата даже для участи скота. Клиенты моих заведений любят молодых и свежих. Таких, как твоя маленькая сестренка и братец. Он тоже сгодится. Вкусы разные, нравы свободные. Сам понимаешь – спрос рождает предложение.

Мои зубы заскрежетали от напряжения, я вскинул голову, готовый в любой момент броситься на обидчика. Мы были с ним одного роста, но я моложе, быстрее, сильнее. Сейчас именно он недооценивает врага. Считает меня малахольным слабаком. Под свободной олимпийкой не видно строения моего тела. Для него я просто пацан, ученик старшей школы, сопляк.

– Хочешь ударить меня? По глазам вижу. Только кишка тонка, – он рассмеялся мне в лицо, и, не оборачиваясь, схватил Эмму за волосы, резко потянув на себя. Стул пошатнулся и опрокинулся. Она закричала. Молниеносным, неуловимым движением я ударил ублюдка лбом в переносицу, раздался характерный хруст, хлынула кровь, заливая идеальный костюм, еще один резкий выпад пришелся в солнечное сплетение, костяшки приятно заныли от удара. Согнувшись, Кертис закашлялся и упал на колени.

– Не трогать пацана, – зарычал он на метнувшихся в мою сторону амбалов. И в этот момент отец, воспользовавшись паузой, вскочил на ноги, и набросился сзади на одного из людей Кертиса, придушив его цепочкой от наручников. Огромная туша, захрипев, осела на пол. Отец не терял ни секунды, он двигался, как в кино. Мгновение и в его руках пистолет, который он направляет прямо в спину пытающегося подняться с колен Кертиса. Времени на разговоры и оценку риска нет. Отец делает единственное, что сейчас в его силах. Он стреляет в своего врага, пока тот не встал, пока его люди не открыли ответный огонь.

Оглушительный хлопок, и Кертис падает вперед, прямо к моим ногам. Все происходит мгновенно. Один из отморозков стреляет в отца, но промахивается. Я бросаюсь прямо на пистолет, пока тот метится снова. Мощный удар кулаком в лицо отбрасывает меня к стене. Раздаётся еще несколько выстрелов. Я слышу полный боли стон мамы, и где-то совсем близко отчаянный крик Эби.

Боль оглушает меня, но я отчаянно борюсь с уплывающим сознанием. Сквозь багровый туман, вижу склонившегося над мамой отца. Он ранен, но я не могу понять насколько серьезно, вся его рубашка пропитана кровью. Я вижу запрокинутое лицо матери с неестественно широко распахнутыми глазами. Она не двигается. Гектор кричит, умоляя не убивать его. По лестнице кто-то бежит... и снова выстрелы. Отец вскакивает на ноги, разворачивается и стреляет в ответ. Тяжёлый грохот падающего тела. Он хороший стрелок, в отличие от ублюдков, которые ворвались в наш дом. Отец всех спасет. Он – сержант полиции и гроза гетто. Он капитан Америка и Супермен. Никто не может победить моего отца, никто не поставит на колени супергероя.

– Эби, малышка, – слышу я его хриплый вопль, от которого кровь холодеет в жилах. Пытаюсь подняться, и не могу. Мой затылок пульсирует, я чувствую, как липкая кровь льется за воротник. Сквозь нарастающий гул в ушах до меня доносится вой полицейских сирен.

Суматоха. Крики.

Слишком поздно.

Я вижу Эби, на полу рядом с мамой. Ее ночная футболка с Микки-Маусами залита кровью. Она тяжело и быстро дышит, не кричит, не рыдает. Растерянное выражение лица, беспомощное. Не бойся, Эби, гроза закончилась. Только дыши. Подмога близко. Дыши, Эби. Отец плачет, держа ее голову. Он просит прощения, гладит ее волосы окровавленными руками. Мое сердце рвется на части. То, что я вижу страшнее боли, которую испытывает мое тело.

Все напрасно. Герои не всегда побеждают. Я хочу сказать, что не все еще кончено, но сам в это не верю.

Ты сделал все что мог, папа. Силы были не равны. Мы были так счастливы, никому не причиняли зла. Мой бесстрашный отец защищал этот город и его

жителей, боролся с преступностью и наркоторговцами. Он расправлялся с плохими парнями в два счета, чтобы семьи, подобные нашей, могли спать спокойно в своих домах. Как так вышло, что когда ему самому понадобилась помощь, его никто не защитил?

Ярость и гнев циркулируют в моей крови, отравляя меня ужасными мыслями, от которых мне самому становится тошно. Смотрю на сгорбленное тело отца над убитой женой и затихающей дочерью. Он ранен, истекает кровью, теряет силы, заваливаясь на бок. Взгляд стекленеет, остановившись на мне. Мой мир гаснет, медленно окрашиваясь в алый.

Моя мать мертва, моя сестра почти не дышит, мой брат забился в угол и плачет от страха. Я должен что-то сделать, но не могу даже пошевелиться. Я чувствую, как меня хватают за олимпийку и тащат в заднюю часть дома. Реальность смазывается. Бордово-черные оттенки закручиваются в спирали, затягивая внутрь мое сознание. Полицейские сирены близко... Они приедут, чтобы собрать трупы. Я уже этого не увижу. Последняя вспышка света перед глазами, рассыпающаяся алыми брызгами, и тьма, в которую я падаю почти с облегчением.

Глава 3

Я думал, что кошмар закончился, но тьма выплевывает меня обратно. Прихожу в сознание на полу автомобиля, несущегося на бешеной скорости. Моя спина прижата к двери, колени – к груди. Пытаюсь пошевелиться, но боль простреливает от виска к затылку, парализуя конечности. Мои руки связаны. Я поднимаю голову и встречаю взгляд человека, из-за которого погибли мои близкие. Кертис лежит на заднем сиденье в своем чёртовом костюме. Его дыхание рваное и нервное. Я испытываю мрачное удовлетворение от его мучений. Мне хочется, чтобы он страдал еще сильнее, чтобы выл от боли, плевался собственными легкими.

– Я был прав, – хрипит он. Потемневшие от боли, синие глаза неотрывно следят за мной. – Ты не похож на нее, – убудок кашляет и из уголка губ стекает струйка крови. Я много раз видел такое в боевиках. У него внутреннее кровотечение. Он умирает. Прямо сейчас. – Ты похож на меня, – ухмылка кривит

пересохшие губы.

– Мой сын, – говорит почти со странным выражением, заставляя меня застыть от ужаса. Мне кажется, что я попал в один из любимых мной блокбастеров. – Ты Морган, Джером. Сейчас тебе это ни о чем не говорит. Но когда-нибудь ты будешь носить своё имя с гордостью.

– Катись к черту, ты сумасшедший сукин сын, – хриплю я, пытаюсь выпрямиться, но тело не слушается, сведенные мышцы отказываются починяться.

– Ты знаешь, Джером, – Кертис зловеще улыбается, я дергаю запястья. Если бы мог... мог дотянуться до его горла, то мне хватило бы сил держать его до тех пор, пока он не подойдет. – Знаешь, что я говорю правду. Посмотри на себя. Ты мое долбанное отражение. Ты – часть семьи. Никто тебя не тронет. Не нужно нас бояться. Тебя ждет новая жизнь. Смирись и будет легче. Ты ничего не мог изменить. Кеннет Грант подписал себе приговор в тот момент, когда объявил мне войну. Лучше бы они оставили тебя в том приюте. Глупое благородство. Они знали, что я приду за тобой. Вопрос времени. Не я, так другой. Я просто забрал свое. Ты заберешь остальное. То, что они не отдали. Кеннет обокрал меня, забрал моего сына, убил мою женщину. Я не мог поступить иначе. Когда-нибудь... – Кертис закашлялся, прижимая к груди чёрную от крови руку. – Совсем скоро ты поймешь меня. В твоём возрасте я уже был в деле. Ничего не останется, Джером. Все, во что ты верил и чем жил, забудется. Они ничто, пыль. Вырежи их из памяти, иначе боль сожрет тебя, сделает уязвимым. Впусти в сердце ярость и гнев – вот твоё оружие. То, что ты пережил, сделает тебя сильнее. Ты будешь лучше меня, умнее, безжалостнее. Ты не допустишь тех ошибок, которые совершил я. Запомни то, что я сказал сейчас, потому что все, что ты услышишь после, будет ложью. Твоя мать, Джером, она меня ненавидела. Она пришла в ужас, когда узнала, что беременна. Я разрушил её жизнь. Ты должен знать своих врагов, чтобы выжить. Она не хотела меня, боялась. Я взял её силой.

– Я вижу своего врага прямо сейчас, – с отвращением выплюнул я.

– Нет, я не враг, я обычный подонок, который всю жизнь прожил так, словно завтрашний день никогда не настанет. Но я не враг. – Он качнул головой. Лицо исказила гримаса боли. И все-таки в его словах была доля правды. Я заметил это еще утром, когда увидел его возле школы. Я действительно похож на этого больного убудка. – Я твой отец, – словно прочитав мои мысли, повторил

Кертис. – Дайана была упрямой женщиной. Женщины... это зло. Помни, что я сказал про две категории. Не допускай их слишком близко. Даже мертвые они разрушают нас. Я жалею, что не смог убить ее сам. Это был не я. Клянусь, Джером, – тяжелый вздох обрывается еще одним приступом кашля, сопровождаемым сильным ротовым кровотечением и булькающими в его груди звуками. – Есть один человек... Я должен сказать сейчас. Запомни. Его имя Моро. Квентин Моро. Держись от него подальше. Никому не доверяй, – Кертис Морган захрипел, смертельная бледность расплзлась по лицу. – Мне не жаль. Я не собираюсь просить прощения, Джером. Я хотел бы, чтобы у нас было больше време.... – он не договорил. Последний выдох сорвался с губ. По телу прошла судорога, потом еще одна. Синие глаза посветлели на тон и застыли. Я никогда не видел, как умирают люди, как последний отблеск жизни исчезает из остекленевших глаз. Сегодня мне довелось увидеть смерть неоднократно и так близко, что я чувствовал на себе ее смрадное дыхание.

Я смотрел на тело своего мертвого биологического отца и ничего не чувствовал. Во мне образовалась черная дыра, которая разрасталась с каждым новым вдохом. Я дрожал от холода, хотя в салоне автомобиля, пропахшем кровью, было тепло. Этот лед, который сковывал каждый мой нерв, пробирался под кожу, разрастался в сердце, имел совершенно иное происхождение. Он шел изнутри, и я физически ощущал, как постепенно коченеют мои конечности.

– Он умер, – хрипло произнес я, поднимая голову и глядя на водителя автомобиля, несущегося сквозь ночные огни Сент-Луиса. Из зеркала заднего вида на меня взглянули непроницаемые зеленые глаза. Их оттенок напомнил мне о маме и Эби. Мою грудь пронзила острая свирепая боль. Глаза наполнили слезы. Нет, я не рыдал, как испуганный мальчишка, они просто текли из-под ресниц, пока я кусал губы, сражаясь со слабостью. Я не плакал двенадцать лет, двенадцать счастливых лет, которые закончились внезапно, одним днем. Я не чувствовал ничего, кроме ненависти к человеку, который лежал на заднем сиденье автомобиля. Бессмысленные эмоции, ведь он уже мертв, но гнев никуда не уходил, он поселился внутри, и я был уверен, что больше ничто и никогда не заставит меня плакать. Худшее уже произошло.

– Кеннет знал, куда стрелять. У Кертиса не было ни одного шанса. Он сказал тебе правду, – произнес парень за рулем, в его взгляде мелькнуло сочувствие. – Меня зовут Зак Морган. Я твой кузен.

– Куда мы едем? – хриплым голосом спросил я, безучастно глядя, как густые капли крови, стекая с заднего сиденья, падают на мои босые ноги, а потом снова посмотрел на застывшее лицо Кертиса Моргана. Этот человек был моим отцом, и он уничтожил единственную семью, которую я знал. Его люди стреляли в единственного отца, которого я любил. Он разрушил единственный мир, в котором я хотел жить. Для чего? С какой целью? Чтобы истечь кровью и подохнуть на моих глазах? Кровная вражда, месть, ненависть – что на самом деле привело этого зверя в наш дом?

Знал Стивен Спенсер или Кеннет, что однажды прошлое вернется за мной? Наверное, да. Он никогда не говорил этого вслух, но каждый день готовил меня в нашем импровизированном спортзале, заставляя тренироваться до изнеможения. Он хотел, чтобы я был сильным и способным отражать удары. Я опустил голову и посмотрел на свои связанные запястья. Сжал кулаки, скользнув взглядом по изуродованной правой руке с недостающими пальцами, костяшки на имеющихся трех были сбиты в кровь. Мое тело было готово к сражению, к борьбе и выживанию, но никто никогда не смог бы подготовить меня к тому, что произошло с моей душой в тот момент, когда потерял все. Снова.

– Куда ты везешь меня? – резко повторил я вопрос, так и не дождавшись ответа. Мой взгляд впился в белокрысы затылок кузена.

– В дом моего отца. Теперь он глава семьи, – сообщил он раздраженным тоном, что натолкнуло меня на мысль о его недовольстве данным обстоятельством. В этой моей новой семье, похоже, проблемы отцов и детей – естественное явление. Только моя проблема решена и медленно остывает на расстоянии вытянутой руки от меня.

Глава 3

Поездка с трупом наедине длилась час, может, больше. Я потерял счет времени. Я не видел, куда мы приехали, не разглядел ни очертания дома, ни улицу. Понятия не имел, в какой части города оказался. Когда несколько амбалов вытащили меня на улицу, с черного неба на мою голову обрушилась стена дождя, за которой я видел только расплывчатые огни и какие-то черные тени. Меня провели через задний двор. Дом казался огромным, его размытые

очертания двоились перед моими глазами. На самом деле мне было плевать. Хоть сарай. Все это казалось совершенно неважным. Я не реагировал ни на что. Ни на резкие требования моих надзирателей идти быстрее, ни на их грубые толчки в спину, ни на боль, пульсирующую на затылке и распространяющуюся по всему телу. Я позволял ублюдкам вести меня. Не спорил, не дрался. В сопротивлении не было смысла. Мне не за что было сражаться. И незачем жить. Отец бы убил меня за такие мысли. Для него физическая подготовка тела имела второстепенное значение. И он всегда говорил, что настоящая сила в голове, в мыслях, в стремлениях. Он был мудрым и справедливым человеком. Когда я мысленно говорю о нем «был», мне хочется сломать шею одному из недоумков, считающих, что я сдался, и принявших мою покорность за капитуляцию. Но сейчас не время. Необходимо привести мысли в порядок, оценить ситуацию.

Меня спустили на цокольный этаж по металлической лестнице и бросили в комнату с толстой железной дверью, которая захлопнулась с щелчком, как только я оказался внутри.

Мой дядя, похоже, очень гостеприимный человек, а я долгожданный гость в его доме, подумал я с иронией. Почти сразу вспыхнул яркий искусственный свет, и слезящимися прищуренными глазами я смог разглядеть свое временное пристанище. Небольшая квадратная комната с маленьким окном, белыми стенами, отдельным санузлом и ванной. Обстановка спартанская. Ничего лишнего. В то же время есть все необходимое для жизни. Кровать, комод, стулья, стеллажи с книгами, встроенный шкаф. Я прошелся по своим «апартаментам», пытаюсь понять, что означает закрытая дверь. Я пленник? Заложник? Приговоренный?

Беспокоит ли меня ответ? Страшно ли мне?

Нет. Абсолютно.

Во мне сейчас преобладает инстинкт самоуничтожения. Я хочу, чтобы они сделали что-то ужасное со мной, хочу повод для мести и еще большей ненависти, хочу злость и ярость. Это то, что поможет мне не сойти с ума от боли потери.

Я подошел к окну, за ним – густая тьма и потоки воды, глухо бьющие в стекло. Я прошелся руками по раме в поисках ручки или замка. Ничего.

Огляделся по сторонам. Выбор пал на стул с металлическими ножками. Он казался крепким и увесистым. То, что надо. Я взял его и ударил по стеклу со всей силы. Ничего.

Еще раз. И еще.

Даже трещины не появились.

Я бил снова и снова, пока не затекли руки, и я не свалился от боли в голове, от которой темнело в глазах. Снова пошла кровь из раны на затылке, и я вытянулся на полу, прижимаясь лицом к прохладным плиткам. Холод облегчал боль. Я слушал, как дождь стучит в окно, и ни о чем не думал. Боль становилась ярче, она пылала за закрытыми веками, у нее был цвет и запах и очень сильный хук справа. И когда она ударила наотмашь, я снова, почти с благодарностью, отключился.

Очнулся уже на кровати. Через бронированное окно проникали солнечные лучи, скудно освещая комнату. Подняв руку, которая ощущалась неправильно, казалась слишком тяжелой и большой, я инстинктивно дотронулся до травмированной головы, и пальцами нащупал повязку. Я попытался приподняться, с удивлением заметив, что почти не чувствую боли. Очертания комнаты поплыли, когда я сел, опираясь на подушки. Возможно, мне вкололи мощное обезболивающее или какие-то транквилизаторы. Мысли путались, в глазах двоилось. Я ощущал себя разбитым, неповоротливым, вялым, равнодушным. Мой расфокусированный взгляд остановился на столике возле кровати, которого ночью не было. На подносе бинты, какие-то пузырьки, таблетки, мази, шприцы и ампулы. Все в ограниченном количестве, видимо на тот случай, если мне взбредет в голову свести счеты с жизнью. А рядом со всей этой аптечкой графин с апельсиновым соком, тосты с сыром и два яблока. Похоже, меня собираются не только лечить, но и кормить. Я бы предпочел другой вариант. Мне не нужна забота от этих ублюдков, решивших, что имеют право распоряжаться чужими жизнями.

Я встал с кровати, борясь с головокружением и, шатаясь, как пьяный, прошел к двери, дернул за ручку несколько раз, потом пнул, грязно выругался, поняв, что мои старания никто не оценит, и отправился обратно. К завтраку не притронулся. Залез на кровать и, отвернувшись лицом к стене, замер. Я пролежал так несколько часов. Или больше. Время остановилось для меня, потеряло свою ценность и значение.

Я не думал о будущем, о том, что мне заготовила новая семейка, не горевал по погибшим, не купался в жалости к себе. Мои мысли деформировались и переместились в совершенно иное пространство, от которого я отгородился толстой стеной. Но в то же время я прекрасно осознавал, что мое отрешенное состояние является результатом медикаментозного воздействия. Оно не было естественным, и я не хотел, чтобы действие лекарств закончилось.

Когда железная дверь со скрежетом открылась, я даже не пошевелился. Не было ни сил, ни желания. И ни малейшего интереса узнать, кого принесли черти и с какой целью. Состояние абсолютного пох*изма. Надо узнать название лекарств.

В комнате раздались шаги сразу нескольких человек. Одна женщина и двое мужчин. Я автоматически и без интереса анализировал слуховые наблюдения. Осторожные легкие шаги остановились у моей кровати. Это девушка. Легкая, осторожная. Зашуршала упаковка от шприца, раздался треск стеклянной ампулы. Женщина действовала быстро и профессионально. Возможно, медсестра или ей просто страшно. Я бы на ее месте тоже меня боялся.

– Я должна ввести вам обезболивающее, – на ломанном английском произнес тонкий дрожащий голосок. Я перевернулся на спину и посмотрел на склонившееся надо мной лицо. Молоденькая азиатка смущенно отпрянула назад. – Протяните руку, сэр.

Я чуть не рассмеялся. Сэр? Это она мне? Они тут отмороженные все напрочь? Или издеваются так? Мой взгляд скользнул к двери, и там я ожидаемо обнаружил двоих неподвижных нигеров в неизменных строгих черных костюмах со свирепыми лицами и огромными ручищами.

– Как тебя зовут? – мой взгляд вернулся к девушке. Она была миловидной. Раскосые черные глаза, бледная кожа, темные гладкие блестящие волосы, собранные в пучок на затылке, розовые губы, сложенные в слабую улыбку. Очень худенькая и совершенно безобидная. Ее прислали, потому что только животное способно было бы причинить ей боль.

– Лиен, сэр.

– Не называй меня сэра. Мне семнадцать, я учусь в старшей школе, – зачем-то сообщил я. Она кротно кивнула.

– Протяни руку, пожалуйста. Я сделаю укол, – вздёрнув бровь, я повинился и не сводил напряженного взгляда с ее сосредоточенного лица во время процедуры. Мне всегда казалось, что уколы делают в задницу, а не в вену. Не то, чтобы мне не терпелось показать ей свой зад, просто я хотел быть уверен, что в шприце нет наркотиков. Мое состояние, учитывая события вчерашнего дня, слишком легкомысленно-отрешённое. Возможно, я все еще нахожусь в шоке, а лекарства вовсе не причём.

– Откуда ты Лиен? – спросил я, чтобы заполнить напряженную паузу.

– Из Северной Кореи. Мой отец француз.

– Я только хотел сказать, что ты не очень-то похожа на кореянку. Скорее, на японку. Что ты мне вколола, Лиен?

– Обезболивающее, – ответила девушка. Я отвернулся, устремив взгляд в белый потолок. Она ничего не скажет. Это очевидно.

– Вам нужно есть, сэ... Я принесу суп.

– Нет, спасибо, – отрицательно качнул головой я.

– Как скажете. Вечером я приду сделать перевязку и еще один укол. Вы скоро поправитесь. – Вежливо произнесла она. Я ничего не ответил, потеряв к ней всякий интерес. Конечно же, ей плевать на меня. Она делает свою работу, за которую ей платят, а, может, и не платят. Я не удивлюсь, если девушку привезли в Штаты нелегально, и она бесплатная рабыня. Я уже говорил, что увлекаюсь фильмами о гангстерах. Такое там сплошь и рядом. Признаться, я даже фантазировал о собственной рабыне и о том, что я бы с ней сделал.... Это было не серьёзно. Все парни в моем возрасте мечтают о девушках, которые никогда не говорят «нет». На меня накатил очередная волна усталости, захотелось спать. Шаги Лиен удалились в сторону двери, которая скрипнула, а потом со скрежетом захлопнулась.

Так прошло несколько дней, в течение которых ко мне два раза в день заходила Лиен, приносила еду, делала уколы, меняла повязку на голове, обрабатывала шов на затылке (я, кстати, пропустил процедуру наложения шва). Я с ней не разговаривал. Мне не хотелось. Я пребывал в апатичном, безучастном состоянии, витая в каком-то параллельном измерении и не торопился возвращаться в реальный мир. Иногда на меня накатывали неожиданные приступы активности. Я вскакивал с кровати, начинал отжиматься от пола, потом хватал стул, бил в окно, в двери, колошматил по стенам. Крушил мебель. Потом выдыхался и снова впадал в спячку, в невесомость, теряя счет времени и ощущение реальности.

Я мог часами лежать на полу, глядя в потолок, пока черномазые ублюдки в костюмах убирали результаты моих буйных действий. Я их даже не замечал. Потом, когда мне стало лучше, точнее, когда дозировка психотропных препаратов уменьшилась (я все-таки уверен, что это были они) я так и не смог вспомнить, где пребывало мое потерянное одурманенное сознание во время длительных промежутков безмолвия и прострации.

Я не понимал цели своего присутствия здесь и смысла происходящего. Я старался не задумываться над многочисленными вопросами. Ни одно из моих предположений все равно не окажется верным. Ответы знает только тот, кто приказал запереть дверь. Я знал, что он придет, иначе и быть не может. Остается только ждать.

Где-то через неделю, после очередного учиненного в приступе ярости дебоша, обессиленный, я снова развалился на полу, и, сложив руки на груди, рассматривал солнечные блики на потолке. Я отчаянно боролся с воспоминаниями, но они находили брешь в сознании и просачивались в мою голову, ядовитыми щупальцами ковыряясь в мозгу. Отвратительное ощущение, скажу я вам. Когда подобное происходило, я мысленно умолял Лиен поспешить со своими волшебными уколами. Они дарили мне забвение, равнодушие и подобие покоя, если такое понятие уместно в сложившихся обстоятельствах. Когда открылась дверь, я подумал, что Лиен услышала мои молитвы и явилась. Но почти сразу, по звуку шагов, понял, что ко мне пожаловал иной гость, которого я совершенно не ждал.

Закрыв глаза, я притворился спящим, но даже сквозь сомкнутые веки ощутил, как на меня упала его тень. Мужчина встал надо мной, и я почувствовал тяжелый сверлящий взгляд.

– Не надоело буйствовать, Джером? – холодно спросил незнакомый грубоватый голос. Я плотнее сжал веки, игнорируя его присутствие. – Я надеюсь, что ты наигрался в войнушку. В твоём возрасте подобное поведение допустимо, но всему есть границы. Я дал тебе достаточно времени, чтобы ты смирился и успокоился. Ты переступишь порог комнаты только в одном случае. – Мужчина сделал паузу, отошел на пару шагов в сторону, и я услышал, как под весом его тела скрипнул стул. – Если примешь мои условия. Я не собираюсь с тобой нянчиться, жалеть или подтирать слюни. Я не буду врать, что безумно счастлив, видеть тебя в своём доме. Для меня ты проблема, Джером, и источник беспокойства. Однако существует одно весомое «но», и нам обоим придется с ним примириться. Ты член семьи, ты Морган. И у тебя есть долг, некоторые преимущества и обязанности, данные по праву рождения. Если ты не готов к диалогу, то я уйду и появлюсь снова только через месяц. Ты хочешь провести еще тридцать дней в этой комнате?

Вопрос повис в воздухе. Мужик манипулировал мной, давил на больные точки, не оставлял выхода, но я не собирался сдаваться так просто. Мне хотелось послать его к черту, но это было бы неверным решением. Глупым. Мне нужно знать, что он хочет от меня. Я отрицательно покачал головой, не открывая глаза, и услышал удовлетворённый вздох.

– В любых переговорах важно уважение и понимание, Джером, – продолжил мужчина. – И уступки. Я гораздо старше тебя, и поэтому проявлю лояльность к твоим выходкам, списав их на испытанный шок. И я даже начну с новостей, которые, несомненно, очень важны для тебя. Я не обязан, но мне хочется сделать жест доброй воли для своего племянника. Меня зовут Логан. Я твой дядя. И как ты, наверное, уже догадался, Кертис был моим старшим братом. И после его гибели, обязанности и ответственность за семью легли на мои плечи. Ты тоже входишь в список наследия Кертиса Моргана и, следовательно, я буду уважать тебя точно так же, как уважал своего брата. И, разумеется, жду такого же отношения в ответ. Это будет не просто, мучительно и долго. Но время все расставит на свои места. Ты просто должен принять свою новую жизнь, как нечто неминуемое. Другого выхода нет, Джером. Или ты член семьи или мертвец. Это не пустая угроза, а факт. Я не собираюсь убивать тебя. Это сделает улица, наши враги... Да кто угодно. Без покровительства семьи ты не сможешь выжить. Поэтому засунь свою гордость в задницу, и включи, наконец, мозг. Итак, я начну с главного, что тебя сейчас волнует. Со Спенсеров.

Как только прозвучала фамилия моих родителей, острая боль пронзила грудь, и я задержал дыхание – настолько мощным было ощущение. Я открыл глаза, перевернулся на бок, а потом встал. Мой взгляд устремился на Логана. Широкие плечи, суровое лицо с резкими чертами, каштановые волосы и голубые холодные глаза. Он не похож на Кертиса. Это наблюдение принесло лёгкое облегчение. Было бы сложно разговаривать с человеком, напоминающим зверя, по приказу которого уничтожили мою семью. Настоящую семью.

Логан тоже в свою очередь изучал меня пристальным цепким взглядом. Было сложно понять, что он чувствует, о чем думает. Ни малейшего проявления эмоций на непроницаемом лице. Этот человек излучал уверенность и опасность, но выглядел умеренно-сдержанным. Я смотрел на него, пытаюсь найти повод для ненависти, который облегчил бы мое существование. Я вспомнил широко открытые глаза матери, из которых ушла жизнь, плач отца, хриплое дыхание Эби, отчаянные мольбы Гектора, и я возненавидел Логана Моргана всем сердцем. Его там не было, но Кертис являлся родным братом Логана. Это достаточная причина для ненависти.

– Я не враг тебе, Джером. Скажу больше, в тот вечер твой отец действовал в одиночку, – словно прочитав мои мысли, сухо произнес Морган.

– Он не мой отец, и он был не один, – резко возразил я, ощущая зарождающуюся в груди ярость. Логан криво ухмыльнулся, рассматривая меня, словно нелепое насекомое, досаждающее ему своим видом.

– Брат не поставил семью в известность относительно своих планов. И он действовал исключительно от своего имени. Мы бы никогда не одобрили его личного участия. Результат его сумасбродства тебе известен. Кертис всегда был очень порывистым и рискованным. За те годы, что он провел в тюрьме, мир изменился, но он не пожелал подстраиваться под новые реалии. Кертис никогда не умел тормозить, когда это необходимо. Я знаю, что у него были причины на мечь Кеннету Гранту – это настоящее имя Спенсера, но он не обязан был делать грязную работу собственноручно. Мы так не работаем, Джером. Мы не бандиты, не мафиози и не гангстеры. Мы бизнесмены. Достаточно влиятельные, чтобы иметь некоторую власть, независимость и неприкосновенность. И у нас есть рычаги, с помощью которых мы держим под контролем преступную деятельность в подвластных нам районах. Мы не злодеи, и делаем то, на что не способна доблестная полиция, которая, кстати, тоже немало получает из общей кормушки. Кеннет – мечтатель, он хотел изменить мир к лучшему, сломать

установленные правила. Запомни, Джером, один сошедший с дистанции игрок, не остановит команду, которая с еще большими усилиями продолжит свое движение вперед. Не можешь убрать всех – оставайся в группе наблюдателей и старайся держаться подальше от линии огня. Это единственный способ сохранить жизнь себе и своим близким. Ты вряд ли понимаешь, о чем я говорю. Слишком юн, наивен. Кеннет вбил в твою голову неправильные приоритеты и мысли, но мы исправим огрехи в воспитании. Сейчас я не буду нагружать тебя сложной информацией. И ты будешь получать ее постепенно и дозированно.

– Ты начал говорить о Спенсерах, – нетерпеливо напомнил я. Мужчина нахмурился, на его лбу обозначились глубокие морщины.

– Да. Отвлекся. Извини, Джером, – обманчиво мягко проговорил Логан. – У меня есть новости о твоих бывших родственниках. – Присядь, – он махнул рукой в сторону кровати. И я поспешно выполнил его указание. Меня охватило напряжение, в груди бахало сердце, ладони вспотели, и вытер их о свои джинсы.

– Итак, – Логан сложил ладони перед собой, сделав многозначительную паузу. – Кеннет выжил. Он получил несколько ранений, побывал в коме, но оказался живучим сукиным сыном. Эмма Спенсер погибла на месте. Девочка была ранена в плечо. Мальчик не пострадал, не считая психического потрясения. Это сухие факты. Большого я не знаю, и мне достаточно данной информации. Еще могу добавить, что не в правилах моего брата стрелять по женщинам и детям. Могу высказать свою уверенность, что такой исход не входил в его планы. Перестрелка, согласно некоторым свидетельствам, была стихийной. Женщина и девочка попали под перекрестный огонь. Люди Кертиса стреляли в Кеннета и только в него.

– Вас там не было, – с яростью выплюнул я. Облегчение, охватившее меня от известий что отец и близнецы живы, пересилило желание плюнуть в самодовольное лицо Логана. Сейчас мне во что бы то ни стало необходимо проявить стойкость и спокойствие. – Ваши бешеные псы били мою одиннадцатилетнюю сестру по лицу, а Кертис угрожал, что продаст Эби и Гектора в притон для извращенцев. Так что не говорите мне о правилах вашего брата. У него их нет. Он пришел в наш дом убивать и именно этим и занялся, – резко, но без лишней агрессии, сказал я.

– Ты можешь считать так, как тебе удобно, Джером, – равнодушно отозвался Логан. – Исправить уже ничего нельзя. Кертис поплатился за свою ошибку жизнью.

– А за что поплатилась моя мать? – с болью в голосе потребовал ответа я. Сказал, и перед глазами всплыло лицо Эммы, нежное, любящее. Ее ласковый голос и тёплые руки. «Привет, я привезла тебе подарок. Ты хочешь посмотреть, что внутри?» Конечно, я знал, что она не моя мать. Даже в пять лет я не был настолько наивным, но полюбил ее сразу. Их обоих. Они смотрели на меня так, словно я был им по-настоящему нужен. А когда она заговорила на-английском мое сердце полностью приняло ее. Этот язык мне был хорошо знаком, на нем с самой колыбели говорила со мной моя биологическая мать.

– В твоей жизни будет еще очень много случайных жертв, – ответил Логан бесстрастным сухим тоном, и я не понимал тогда, насколько пророческими окажутся его слова. – Так случается. Закон каменных джунглей беспощаден. Мы должны думать о живых, Джером, а мертвые пусть покоятся с миром.

– Вы будете мстить отцу за убийство Кертиса? – спросил я. Ответ был важен для меня, для планирования моих дальнейших действий. Надеяться на то, что мне удастся вырваться из всего это дерьма в одиночку было глупо, но я верил в своего отца – в Стивена Спенсера. У него есть коллеги в полиции, друзья, связи. Он не оставит меня здесь – в этом не может быть никаких сомнений. Отец придет за мной.

Логан Морган закинул ногу на ногу и, прищурившись, посмотрел на меня. Его взгляд был тяжёлым, пристальным.

– Если найдем, – коротко ответил он.

– Что это значит?

– Кеннет не просто везучий сукин сын, он еще и хитрый, как лиса, юркий, как крыса. Он второй раз попал в программу защиты свидетелей. Ты же в курсе, что твой отец родился и жил в Чикаго? Оба твоих отца, – Логан грубо хохотнул, и я стиснул зубы, чтобы не наговорить лишнего. – В первый раз под программу попала и Дайана, твоя мать, которая была в сговоре с Кеннетом. Ему следовало выбрать штат подальше. Поселившись в Миссури, он совершил стратегическую

ошибку. Дайана оказалась умнее. Она выехала в Россию, став Дашей Ветровой. Ты даже не представляешь, сколько я заплатил за освобождение брата, я отдал на откуп своих лучших людей, а он прожил на свободе не больше полугода, а все из-за одного неугомонного полицейского. Но, как видишь, Кеннет повторил старый трюк. Мой брат в могиле, а он.... – голос Логана стал напоминать рычание бешеной собаки. Я испытал внутреннее удовлетворение от его бессильной ярости. Эти подонки заслужили все, что произошло.

– Теперь не обошлось без потерь, – прочистив горло, и овладев эмоциями, продолжил Логан. – Но, когда играешь с серьезным противником, каждый день будь готов умереть. Несколько дней назад Спенсеры перестали существовать. Место их нового пребывания и имена неизвестны. Но мы найдем, Джером, – зловещая улыбка прорезала морщины в области носогубных складок на его лицо. – Не сомневайся. Морганы не забывают своих долгов.

Несмотря на обещания Логана, я с огромным трудом скрыл облегчение. Морганы не доберутся до моего отца, сестры и брата. Я ничего толком не знал о программе защиты свидетелей, но звучало это очень серьезно и надежно. Папа на этот раз спрячется подальше от Миссури и Иллинойса. Он позаботится об Эби и Гекторе, и, как только все будет улажено, вернется за мной. Обязательно вернется. Мы стояли там, в гостиной плечом к плечу против пятерых вооружённых бандитов. Мы больше, чем отец и сын, мы команда. Нам необходимо держаться вместе. Отец найдет способ дать мне знак, весточку, где его найти, пришлет своих друзей или придет за мной сам, и мы снова будем все вместе. А сейчас мне нужно выждать время и сыграть роль послушного мальчика, смирившегося со своей участью.

– Что будет со мной? – хрипло спросил я, испытывая острое желание закурить, хотя никогда даже не пробовал, не сделал в жизни ни одной затяжки. В моей семье никто не курил. У отца были слабые легкие, а мама пришла бы в ужас, почувствовав на мне запах табака. Ожесточенно сжав кулаки, я заставил себя не думать о прошлом, не причинять себе боль воспоминаниями.

И снова Логан словно считал мысли по моим глазам, и, достав из черного глянцевого дорогого пиджака пачку «Лаки Страйк», закурил, выпуска кольца дыма, невозмутимо наблюдая за мной.

– Будешь? – проницательно предложил он. Я отрицательно качнул головой. Где-то под потолком раздался механический щелчок, потом появился шум. – Это

вентиляция, Джером, – пояснил Логан. – Кстати, в комнате установлено видеонаблюдение. Везде. Даже в ванной. Это так, на всякий случай, если вдруг решишь сделать какую-нибудь глупость. За монитором круглосуточно находятся мои люди и лучше не доставлять им лишнего беспокойства. Наказание одинаково для всех, кто нарушает правила этого дома. Понимаешь меня?

– Я спросил, что со мной будет? – дерзким тоном повторил я, вызвав у Логана снисходительную улыбку.

– Ничего ужасного, Джером. Тебе повезло. Сейчас ты этого не осознаешь, но со временем поймешь, что я прав. Временные незапланированные каникулы для тебя закончились. Ты вернешься к учебе. Разумеется, не в свою школу, а в частную. Ты будешь учиться с детьми из привилегированных семей. Потом поступишь в университет Сент-Луиса, получишь бизнес образование. Я бы мог отправить тебя в Йель или Гарвард, но мне будет спокойнее, если ты будешь поблизости. Не уверен, что могу тебе доверять. У тебя будет совершенно иная, качественная жизнь. Дорогая, роскошная. Ты получишь все, о чем даже не мечтал в том домишке, в котором рос со Спенсерами. Люксовые автомобили, бредовые вещи, современные гаджеты, лучшее образование, ну, и самые горячие и красивые девушки.

– Мне это не нужно, – тряхнул головой я.

Логан рассмеялся. Грубо, резко. Цинично. Он мне не верил, думал, что во мне говорит упрямство, гордыня. Но это не так. Человек, у которого есть любовь, счастье, дом, в котором звучит смех, никогда не задумывается о материальных благах. И никогда не променяет то, что имеет, на перечисленные в списке Логана пункты. У меня было все необходимое. Я был счастливым парнем. Я ни в чем не нуждался. У меня была классная девчонка, мотоцикл и лучшая семья в мире. Я планировал стать полицейским, как мой отец и защищать улицы Сент-Луиса от наркоторговцев и сутенеров. Я никогда не мечтал о люксовой жизни. Сейчас у меня нет ничего, но меня не устраивает предложенная Логаном Морганом альтернатива.

– ЭТО, мой мальчик, нужно всем. Нищие супергерои часто бравируют своей гордостью и принципами. Что дала принципиальность Кеннету Гранту? Тебя же ждет совершенно другое будущее. Ты просто еще не знаешь, как власть, богатство и роскошь меняют людей. Это самая приятная из зависимостей. Знаешь поговорку «деньги не пахнут»? Так вот она сработала даже с твоим

кристально честным папашей. Пять миллионов исчезли во время задержания Кертиса семнадцать лет назад. И ни разу нигде не всплыли. Это говорит о том, что Кеннет чертовски умен.

– Отец никогда бы не взял чужое. И он бы не подставил нас всех под удар ради денег, – резко возразил я.

– А кто говорит, что Кеннет приберёт эти деньги для себя? Уверен, что он подумал о вашем будущем. И появление Кертиса стало для него неприятной неожиданностью. Он не думал, что кто-то узнает его. Моему брату дали двадцать пять лет, и Кеннет списал его со счетов. По большому счету у семьи не было бы к нему претензий, Джером. Он полицейский и выполнял свою работу. Мы не преследуем людей за то, что они выполняют свои обязанности. Если бы не одно, но... Два «но». Сговор с Дайной и воровство. Пять миллионов – крупная сумма. Спустя семнадцать лет она не стала менее весомой, чем тогда. Я уверен, что Кеннет знает, где находятся исчезнувшие пять миллионов. И Дайана знала. Только у Кеннета был мотив убрать ее. Если я ошибаюсь, то почему он вернулся за тобой в Россию? Чувство вины? Это в его духе, Джером. Просто подумай логически, отключи эмоции. Как Кеннет, вообще, нашел тебя? Ты не видишь очевидной связи? Если он знал, где искать тебя, значит, знал, где находится Дайана, – Logan сделал паузу и глубоко затянулся сигаретой. Выстрелил в меня острым взглядом, выпустил в мою сторону струю серого дыма.

– Это Кеннет убил ее, Джером, – уверенно заявил он. – Не лично, конечно, но по его наводке. Возможно, она хотела вернуться домой, в Штаты или потребовала свою долю на воспитание ребёнка. Ответы знает только Кеннет Грант, и где бы он ни прятался, мы найдем его и зададим столько вопросов, сколько будет необходимо, чтобы узнать правду и вернуть то, что принадлежит нам.

– Я в это не верю, – сквозь зубы процедил я. – Отец был настоящим героем.

– Все отцы герои для своих сыновей. Мой тоже был, хотя... – Logan ухмыльнулся, оскалив зубы в циничной улыбке. – Нет, не был. Я просто никогда не питал иллюзий в отношении людей. Купить можно каждого. Использовать, заставить играть по своим правилам. Это тонкая, иногда ювелирная работа, Джером. Ты научишься, я уверен.

– Я ненавижу вас. Всех вас. Как вы можете заставить меня принять ваши правила? – с вызовом спросил я. Если бы в моих руках оказалось оружие, я бы без сомнения выстрелил в самоуверенное лицо Моргана.

– Я говорю с тобой, как со взрослым, Джером, – на лице Логана промелькнуло разочарование. – А ты реагируешь, как обиженный мальчик. Мое детство закончилось в десять лет, когда у меня на глазах расстреляли целую семью в одном из криминальных районов Чикаго. Отец взял меня с собой на встречу со своими «деловыми партнёрами». Он хотел, чтобы я знал о существовании другой жизни, о гетто и тех диких условиях, в которых существуют люди.

– Эти гетто создали такие, как вы! – воскликнул я, чувствуя, как от ярости горит в груди.

– Мой мальчик, общество всегда делилось на сильных и угнетённых. Наша цель – организовывать правила сосуществования разных слоев общества. Даже неуправляемых чернокожих гангстеров можно заставить соблюдать правила. Миром правят сила, власть, деньги и транснациональные компании. Миром правят такие, как мы. Я подвожу тебя к очевидному выбору. Хочешь ты быть внизу социальной цепочки, или встанешь рядом с нами?

– Я хочу вернуться к той семье, которая у меня осталась, – твердо чеканя каждое слово, произнес я. Глаза Моргана вспыхнули, он затушил сигарету в чашку, которая стояла на столе.

– Мы, Джером. Мы! У тебя остались, – потеряв терпение, рявкнул Логан. – Забудь о Спенсерах. Их больше нет в твоей жизни и не будет до тех пор, пока я не найду Кеннета и не призову к ответу.

– Тогда я надеюсь, что этого никогда не произойдёт, – не отводя взгляд, сказал я. Ленивая улыбка появилась на губах Логана.

– Упрямый, – хмыкнул Логан. – Кертис был таким же. Спор наш бессмысленен сейчас, Джером. У тебя впереди годы обучения. Потом престижная работа в крупной дочерней компании, принадлежащей многоотраслевой корпорации «Медея». Кертис несколько лет занимал пост президента корпорации, пока не совершил роковую ошибку, стоившую ему свободы. Мы занимаемся бизнесом, Джером. Мы не преступники. Я говорил уже об этом. Но, чтобы бизнес

процветал, иногда приходится переходить черту. Я дам тебе время до завтра. Подумать, прийти в себя и принять ситуацию. Вечером я хочу видеть тебя на семейном ужине.

У меня был наготове резкий ответ, но я удержал ядовитые грубые слова, прикусив язык. Дразнить тигра на его территории – глупая затея. Отец всегда говорил, что бросать вызов тому, кто превосходит тебя физически неблагоразумно и опасно. Если не можешь победить врага силой, значит, нужно использовать разум и хитрость.

Вечером, в обычное время ко мне заявила Лиен, и я привычно повернулся на кровати лицом вниз. Лекарство в вену она вводила только первые два дня, а потом мне все же пришлось показать свой зад. Сначала я немного смущался, но очень быстро привык к процедурам, воспринимая девушку, как профессиональную медсестру. Кем она была на самом деле, выяснить так и не удалось. На мои вопросы Лиен не отвечала или делала вид, что не понимает, о чем я ее спрашиваю, объясняя это плохим знанием английского. Конечно, она лукавила. В этом доме, вообще, не любили отвечать на вопросы. На любые, даже самые банальные и безобидные.

– Нет, повернись, – неожиданно попросила Лиен, когда я уже начал спускать джинсы. Надо заметить, что английский у нее отменный, хотя легкий акцент и присутствует. Я без всякой задней мысли, выполнил просьбу приставленной ко мне «медсестры». Подтянул штаны обратно, сел и начал застегивать ремень, отмечая, что Лиен выглядит как-то иначе. Во-первых, она распустила волосы, во-вторых, ярко накрасила глаза, а в-третьих вместо строгой юбки блузы с глухим воротом, на ней красовалось короткое свободное алое платье на бретельках. Я недоуменно нахмурился, скользнув взглядом по стройным ногам девушки. Лиен приблизилась ко мне с кошачьей грацией, которую я раньше в ней не замечал, и улыбнулась, демонстрируя ровные красивые зубы. А она очень даже ничего, промелькнула шальная мысль. Миниатюрная, смазливая и на вид не больше двадцати лет, хотя хрен их разберешь этих женщин.

– Не застёгивай, – произнесла девушка чувственным голосом, и накрыла мои руки своими ладонями, разводя их в стороны. Лиен поставила колено между моих ног, и наклонилась. Ее грудь, натягивающая красный шелк оказалась практически на уровне моего носа. Она напилась, что ли? Или приняла что-то запрещенное? Сердце пустилось вскачь, разгоняя кровь по венам и концентрируясь в районе паха, по которому «медсестра» как бы невзначай

провела своей точеной ножкой.

Меня бросило в жар, когда Лиен расслабила ремень на моих джинсах и потянула вниз собачку молнии на ширинке.

– Что ты делаешь? – растерянно спросил я, не совсем понимая, как стоит реагировать на манипуляции девушки.

– Тебе отменили уколы, – ответила она, но на самом деле это никак не объясняло ее странных действий. Спротивляться было глупо, да и не хотелось вовсе. Облизав пересохшие губы, я позволил женским рукам стянуть с меня джинсы вместе с боксерами до колен. Проделав это, Лиен выпрямилась и удовлетворенно остановив взгляд на моем красноречивом свидетельстве заинтересованности в ее присутствии, медленно спустила бретельки с хрупких плеч, позволив платью упасть к нашим ногам, представ перед мной в абсолютной наготе. Я издал сдавленный стон, жадно созерцая голую красавицу с шелковистой кожей, тонкой талией, округлыми бёдрами и высокой точёной грудью. В одежде она казалась худышкой, но сейчас обманчивое впечатление рассеялось. Черт возьми, моим одноклассницам было бы трудно конкурировать с потрясающими чувственными формами Лиен.

– Я надеюсь, новая терапия придется тебе по вкусу, – улыбнулась девушка. – Тебе нравится? – ее голос прозвучал хрипло. Она опустилась на колени, положив теплые ладошки на мои бедра, скользнула руками вверх, поднимая мою футболку и прикасаясь горячими влажными губами к моему прессу.

– Еще как нравится, – выдохнул я, чувствуя, как напряжение в паху становится невыносимым. Мне и в голову не могло прийти подобное. Мысли в последние дни были заняты чем угодно, но не сексом или эротическими фантазиями. Однако у тела свои законы. Глаза видели красивую обнаженную девушку, искусно ласкающую меня, гормоны кипели. – А тебе? – задыхаясь, спросил я, когда я ее губы замерли в миллиметре от моего члена. Ладонь девушки сжала основание эрекции, мягко прошла по всей длине. Она посмотрела на меня вишневыми блестящими глазами. Я резким движением стянул с себя футболку, откидываясь назад, и позволяя тонким умелым пальчикам вытворять все, что угодно их прелестной обладательнице. Тяжелое дыхание вырвалось из груди, и я непроизвольно подавался бедрами на каждое движение ее ладони.

– У тебя красивое тело, Джером. Ты очень симпатичный парень. Уверена, что тебе не раз об этом говорили. Это же не первый раз, нет? – вопрос застыл в распахнутых глазах Лиен, и я хрипло застонал, когда ее язык скользнул по моей головке. Отрицательно качнул головой.

– Я не девственник, если ты об этом, – пробормотал я, толкаясь в теплые губы девушки. Она лукаво улыбнулась, чуть отстранившись, и плотнее обхватывая эрекцию.

– Это хорошо, что мне не придется бороться с ненужной скромностью, – прошептала девушка, резко вбирая меня практически полностью. Я задохнулся от мощных острых ощущений. Девчонки, с которыми я занимался сексом, так не умели. Их ласки были смущенными, неловкими, или же они просто пассивно позволяли трахать их, не проявляя никакой активности. Только одной удалось стать исключением из правил. Сейчас я не имел права думать о ней, но не мог не думать. Я знал, что она потеряна для меня точно так же, как и мои близкие. Ее лицо так ярко и внезапно всплыло в моей памяти, причиняя резкую боль, что на мгновение мне стало трудно дышать. Должен ли я испытывать чувство вины за то, что позволяю Лиен удовлетворять меня своими умелыми губами? Имею ли я право на удовольствие, в то время как моя жизнь превратилась один сплошной кошмар?

Пошло все к черту. Я отключаю мысли, память и все, что не имеет отношения к происходящему сейчас. Запускаю ладонь в темные волосы, закрывая глаза и отдаваясь нирване. Я даже и предположить не мог, что женский рот способен принять так много. Я чувствовал бархатистое горло Лиен, ее язык, скользкий по каждой напряженной вене, проваливаясь в чувственный экстаз. Грязное, но такое сильное удовольствие. Пир во время чумы, наверное, выглядит именно так. Черт, а ведь я оказался прав, когда, увидев Лиен впервые, сделал предположение об ее истинном положении в доме. Я старался не думать, кому еще девушка оказывает подобного рода услуги, и мне было плевать, если честно. Я получил нечто большее, чем рассчитывал. Новое лекарство оказалось в разы лучше, чем ее волшебные уколы. Я обрел новый для себя способ избавления от тяжелых мыслей, от боли, чувства вины и острого одиночества, которое преследовало меня ежеминутно. Секс подарил кратковременное, но такое желанное забвение и удовлетворение; отсутствие каких-либо мыслей в голове, кроме сосредоточенного и острого желания продлить чувственную игру с выложенной фантазией о покорной и готовой на все безропотной рабыне. Разумеется, я не собирался причинять ей боль или делать что-то против ее воли.

Жестокость никогда не входила в черты моего характера... До определенного момента.

– Я хочу вставить. Ты позволишь? – тяжело дыша после мощной разрядки в нежное горло Лиен, прохрипел я. Девушка вытерла с губы бумажной салфеткой остатки спермы, которую глотала, не морщась, чем поразила меня еще больше. Ни она бы из моих ровесниц не позволила подобного.

– Тебе не нужно спрашивать. Делай все, что тебе хочется. – Ласковым шепотом произнесла Лиен слова, о которых мечтает не только каждый парень семнадцати лет, но и любой взрослый мужчина. Ее взгляд с легким удивлением замер на моей не опавшей и с каждой секундой набирающей силу эрекции. Я и сам был удивлен не меньше. Стресс, в котором я пребывал последние дни, подействовал на мои физические реакции – другого объяснения своему неудовлетворённому, голодному состоянию даже после того, как кончил, я не видел.

Лиен легла на кровать, не сводя с моего лица кошачьего томного взгляда и развела свои стройные ноги в стороны, заставляя одним своим призывным взглядом кипеть от нетерпения. Ее промежность была гладко-выбритой, нежно-розовой и блестящей от влаги, которая подтверждала вибрации сексуального желания, которые исходили от тела девушки.

– Я хочу, чтобы и тебе тоже хотелось, – признался я без тени смущения, опускаясь коленями на кровать и притягивая ее бедра к своим.

– Я хочу, Джером. Даже не сомневайся, – щеки девушки порозовели, губы приоткрылись, она шумно задышала, когда я вошел к ней и начал резко и мощно двигаться. Я не мог, и не хотел останавливаться, и хриплые стоны девушки только подстёгивали мое неистовое желание брать ее бесконечно долго, медленно, размеренно, грубо, нежно, пока обессиленные, потные, задыхающиеся мы, наконец, не отлипли друг от друга.

Когда я очнулся, за окном уже стояла глубокая ночь. Глаза Лиен в полумраке моей темницы казались огромными, в них плескалось странное нечитаемое выражение. Она ласково провела пальцами по моей щеке и явно что-то хотела сказать, но так и не решилась. С запоздалым смущением я вспомнил слова Логана о камерах в комнате.

К черту стареющего извращенца. Надеюсь, он оценил представление.

- Ты придешь еще? - спросил я, расслабленно развалившись на кровати, когда, одевшись, Лиен двинулась к двери.

- Если ты этого хочешь, - ответила девушка, не оборачиваясь. Ее силуэт в сумрачном свете казался таинственным и невероятно-сексуальным.

- Завтра? - я надеялся, что в моем голосе не прозвучала надежда.

Лиен обернулась, и я скорее почувствовал, чем увидел ее улыбку.

- Как насчет утренних процедур? - с чувственным обещанием в голосе поинтересовалась она.

- Жду с нетерпением, Лиен, - хрипло прошептал я, снова задаваясь вопросом, а правильно ли испытывать подобные похотливые мысли, находясь в доме врага? Не должны ли меня волновать вынашивания планов мести?

Однако тогда я даже не задумывался о том, что подарок Логана в образе соблазнительной медсестры, готовый выполнить все мои пожелания, является ничем иным, как способом манипулирования, одним из способов, которые он постепенно использовал на мне.

- Я тоже, Джером. Это было неожиданно и приятно.

- Ты всем так говоришь, - нахмурившись, бросил я.

- Да, - кивнула она. - Но тебе я говорю правду.

Однако моим планам на утренние процедуры с Лиен не суждено было осуществиться. Хотя утро начиналось неплохо. Я проснулся энергичным и

полным сил, почти час занимался спортивной разминкой. Потом принял душ, побрился и даже впервые за последние дни взял новую одежду из той, что оставили для меня в гардеробном встроенном шкафу – простую голубую футболку без надписей и спортивные удобные брюки. Нижнее белье я не надел, предвкушая встречу с хорошенькой азиаткой. Чем меньше снимать шмотья, тем лучше.

Но вместо смазливого личика и стройной фигурки, в дверях появился Логан Морган собственной персоной. Сегодня он был в стильном костюме стального, почти серебристого цвета, молодящего его на пару лет. Нет, на стареющего извращенца он был абсолютно не похож. И глядя на его широкоплечую статную фигуру, я невольно подумал о том, пользуется ли он Лиен или, может быть, Зак, который старше меня лет на шесть-семь. Или оба? Ответ скорее положительный, но я не собираюсь думать об этом сейчас.

– Я вижу, ты сегодня в лучшем расположении духа, Джером, – вместо приветствия заявил Логан. Он неторопливо и уверенно прошел к окну и достал пачку сигарет, предусмотрительно поставив на подоконник пепельницу, которой еще вчера в комнате не было. Повернувшись ко мне лицом, Логан закурил, наблюдая за мной внимательным цепким взглядом.

– Я рад, что Лиен удалось поднять тебе настроение. Она обладает массой талантов, не правда ли? – иронично улыбнулся Морган.

Я сцепил зубы, но ничего не ответил. Меня внезапно прошибла мощная испепеляющая волна ярости, и я сжал ладони в кулаки, пряча их в просторных карманах спортивных брюк. Ублюдох ждет от меня благодарности? Выкуси, урод. Я буду трахать твоих шлюх, буду пользоваться твоими деньгами, вещами и прочим, но никогда ты не получишь от меня ни капли благодарности. И придет день, когда ты будешь подыхать у моих ног, умоляя о прощении и пощаде. И я буду точно так же смотреть на тебя, как ты на меня сейчас. С чувством удовлетворения, уверенности и презрения. Дай мне время, Морган. И вы все заплатите за то, что сделали.

– Ты прав. Не будем о шлюхах. Я пришел уточнить, готов ли ты к ужину в кругу твоей новой семьи, который состоится сегодня в восемь вечера в гостиной этого прекрасного гостеприимного дома, – его пристальный взгляд впился в мое лицо. Я с трудом сохранил самообладание. «Твоей новой семьи». Как бы не так, сукин ты сын.

Я сделал вид, что раздумываю над его вопросом, и Логан снова предложил мне сигарету. На это раз я не отказал. Первая затяжка оказалась провальной. Я задохнулся дымом, закашлялся, вызвав у Моргана приступ снисходительного веселья. Вторая затяжка далась уже лучше, а с третьей я полностью понял принцип вредного навыка. Плохие привычки на удивление быстро осваиваются даже безнадежными дилетантами.

– Ты быстро учишься, Джером, – хмыкнул Логан, рассматривая меня снисходительным взглядом. – И как я успел заметить у тебя тоже немало талантов. Отличные успехи в школе, нехилая спортивная подготовка, положительные характеристики от преподавателей, множество наград за участие в соревнованиях и олимпиадах. У тебя аналитический и быстрый ум, ты стрессоустойчив, обаятелен. Лиен просто сражена твоими особыми способностями и рвется работать только с тобой. Кстати, я выполнил ее пожелание. Так что забудь о брезгливости.

– К чему эта долгая презентация моих талантов? – холодно осведомился я, уверенно приближаясь к своему врагу почти вплотную. Он ниже меня. Это наполняет ощущением обманчивой власти и превосходства. Однако взгляд Логана, которым он смотрит мне в глаза, ясно дает понять, что этот противник мне не по зубам. Пока не по зубам.

Протягивая руку за его спину, я скидываю пепел в хрустальную пепельницу. Логан абсолютно невозмутимо реагирует на вторжение в его личную зону комфорта. Я отстраняюсь на два шага, и снова затягиваюсь сигаретой. Не так уж плохо, кстати. Расслабляет, успокаивает, отвлекает...

– К тому, что ты неглупый парень, Джером, – продолжает Логан. – И если будешь вести себя разумно, то перечисленные достоинства помогут тебе преуспеть и занять весомое место в обществе.

– Твое место? – спрашиваю я, нагло улыбаясь.

– Все зависит от тебя, мальчик, – пожав плечами, неопределённо отвечает Логан. – Так, что насчет семейного ужина?

– Я согласен, – быстро киваю я. Черты лица главного из Морганов расслабляются. Он удовлетворённо улыбается. И протянув руку, хлопает меня по плечу.

– Ты намного смысленнее, чем мой старший сын. Ты его видел. Он привез тебя сюда, Джером, – покровительственным тоном говорит Логан. – Не подведи меня.

Я снова игнорирую слова Моргана, считая кощунственным сказанное им вслух сравнение. У этих людей что-то не так с семейными ценностями.

– Тебе придется надеть костюм для вечернего мероприятия. Одно из правил, Джером, – сообщает Логан. – Есть еще несколько, которые тебе необходимо знать.

Затушив сигарету, я сажусь на стул, откинувшись на спинку, и выжидающе смотрю на Логана. Я понимаю, что он не уйдет, пока не скажет все, что запланировал.

– Первое и самое главное правило, – деловитым тоном начинает Логан. – Ты никогда и ни с кем, кроме меня, не говоришь о своей биологической матери и приемных родителях. Никакой личной информации. Никому. Никогда. Даже в постели. Особенно в постели. Ты Морган и этого достаточно. Твои новые документы уже готовы. Телефон получишь вечером. Все звонки отслеживаются, поэтому даже не пытайся связаться с полицией, там у нас все схвачено. Забудь о школьных приятелях и подружках. Их с этого дня тебя не существует. Встретишь на улице, пройдешь мимо, окликнут, скажешь, что обознались. Далее. Относительно перемещения... До новой школы и обратно будешь ездить с сопровождением. Это временная мера. Так надо. Никаких личных поездок. Особенно ностальгического характера. Твой дом теперь здесь, и другого не существует. Коттедж Спенсеров полностью уничтожен пожаром. Сейчас на его месте уже строится другой дом. Поэтому нет никакого смысла пытаться обойти мой запрет и навестить родные места. Еще один важный момент, но к этому правилу мы еще не раз вернемся. Все дела семьи остаются в стенах дома. Ты не можешь обсуждать их с третьими лицами. Список доверенных людей тебе будет предоставлен. Я хочу, чтобы ты уяснил, Джером, на будущее – мои правила не обсуждаются, не оспариваются, а беспрекословно исполняются. Это для твоего же блага. Я говорю – ты делаешь. Все понятно?

- Да, - киваю я, подавляя внутренне стремление проявить характер и начать спорить прямо сейчас.

- Очень хорошо. Я знал, что ты не дурак. Есть еще несколько запретов, которые касаются тебя лично. Никаких наркотиков, алкоголя и посторонних шлюх в моем доме. Если надоест Лиен, я пришлю другую. Выбор у меня большой, ты не будешь разочарован. Есть вопросы? - поправив петлю галстука с геометрически рисунком, спрашивает Логан.

- Как мне обращаться к тебе? - прищурив глаза, спрашиваю я.

- Логан. Не надо лишних церемоний. Мы же семья, - Морган оскалил зубы в хищной улыбке, которая противоречила его словам. - Что-то еще?

- Да. Ты сказал, что не был в курсе того, что Кертис задумал личную месть.

- Все верно, - утвердительно качает головой Логан.

- Зак привез меня в этот дом сразу после случившегося, сказав, что он принадлежит новому главе семьи. Не слишком ли оперативно, ты тут появился? - озвучиваю свои давние сомнения в отношении правдивости версий Логана, глядя в его непроницаемые стеклянные бледно-голубые глаза.

- Информация о планах Кертиса нам поступила утром, - спокойным уверенным тоном произносит Морган. - Я вылетел сразу, как только смог. Мы опоздали, Джером. В случившемся есть доля моей вины, но мой брат хорошо прятал свои секреты и редко следовал правилам, которые устанавливал для других. Ответственность за его непродуманные действия, которые привели к трагедии, легла на мои плечи. И поэтому я здесь.

- А как насчет Дайаны? Моей биологической матери? - требовательно спрашиваю я.

- Ты помнишь ее? - взгляд Логана меняется, становится настороженно-острым.

- Нет, - ложь.

– Совсем ничего? – вопросительно прищутив глаза, настаивает он.

– Абсолютно.

– Это очень хорошо. А теперь забудь даже ее имя. Это в твоих же интересах.

– Кто такой Квентин Моро? – задаю я финальный вопрос, понимая, что не добьюсь от Логана большей информации. Ни один мускул не дрогнул на лице мужчины, когда он услышал названное мной имя.

– Действующий президент корпорации «Медея», избранный правлением после отстранения моего брата, – коротко отвечает он.

– Почему Кертис сказал, что я должен его остерегаться?

– Кертис и Квентин очень часто не сходились во взглядах на ведение бизнеса. У них имелись и территориальные разногласия, и споры. Я уже говорил, что твой отец не всегда умел договариваться. Если это все, что ты хотел у меня спросить, то я вернусь к своим делам, и после обеда пришлю Лиен. Она поможет тебе расслабиться и собратся к ужину. За тобой придут без двух минут восемь. Опоздания в моем доме тоже недопустимы. Если все пройдет хорошо, и ты поведешь себя правильно, то сюда больше не вернешься. Если нет, будем продолжать воспитательные меры. Прояви благоразумие, Джером, и цени мое хорошее расположение. Я могу быть очень добр и щедр, но есть и абсолютно противоположная альтернатива.

Логан выходит в коридор, и дверь за ним со скрежетом закрывается, срабатывает механический замок, и я снова ощущаю давление стен своей тюрьмы. Не верил ничему, что поведал Морган, прикрываясь какими-то благородными целями и оправданиями. Однажды я выясню все правду и найду способ наказать каждого, кто превратил мою жизнь в кошмар. Надо только немного подождать. Один я не справлюсь. Я знаю, кто поможет мне призвать к ответу виновных. Он придет за мной. Придет.

2008-2014 года. Сент-Луис.

Переждать какое-то время... Когда я рассуждал таким образом, в моем представлении этот срок варьировался от недели до месяца. Потом я расширил его до полугода, но не переставал ждать каждый день. Иногда меня охватывали паника и отчаянье, и я впадал в уныние, теряя надежду.

Кеннета Гранта для меня не существовало. Это был мифический персонаж, о котором мне рассказывал Логан, пытаюсь украсть у меня самое главное – веру в то, что моя прошлая жизнь была настоящей. Точно также для меня не существовало Кертиса Моргана с его кровной мезтью.

Я думал обо всем, что произошло, думал часами, анализируя каждый кадр из событий той ночи, и все, что случилось после. Я искал оправдания и причины, по которым отец не может вытащить меня из этого чертова семейного гадюшника Морганов. Меньше всего я хотел, чтобы отец подвергал риску себя и близнецов. И, если нет способа вернуться за мной, я... приму это, смирюсь. Ради отца, ради Эби и Гектора. Они заслужили лучшую жизнь, спокойную, свободную от преследования Морганов. Да, я заставлял себя так думать, но в глубине души продолжал ждать. В глубине души мне хотелось кричать и бросаться на стены от отчаянья, ярости и боли. В глубине души я знал, что тоже заслужил лучшую, тихую и спокойную жизнь. Я не сделал никому ничего плохого. Я любил своих родителей, сестру и брата. А они любили меня. И в одно мгновение у меня отобрали их, убили мою мать. Женщину, которая принесла свет и солнце в мою жизнь. То, что Эмма Спенсер сделала для меня, не измерить словами. Я видел собственными глазами, как она умирала. Вместе с ней умерла часть меня. Возможно, я потерял их всех. Маму, отца, Гектора и Эби... Больше никаких чудес. Я знаю... все закончилось.

Я ненавижу Морганов, в целом и каждого поодиночке. Ненавижу их каждую минуту, каждую секунду своего существования. Это разъедающее темное чувство пропитывает меня насквозь, оставляя внутри черные дыры, в которых исчезает все лучшее, что было во мне когда-то. Мечты, надежды, планы, иллюзии, которыми живут простые люди, не ведающие, что творится за кулисами этого мира.

Попадая в ад, ты или сгораешь, или становишься одним из этих демонов, которые правят кровавым пиром – третьего не дано. Я знал, что Морганов не позволят мне уйти, пока не выполню предназначенную мне роль. Если я

попытаюсь сбежать – меня вернут обратно, буду спорить – отправлюсь в запертую комнату с бронированным окном. Откажусь повиноваться – мордовороты Логана с удовольствием покажут мне, что я неправ. Морганы не гнушались физическими наказаниями. Логан считал, что через боль уроки усваиваются лучше, и к концу следующего года я был с ним практически согласен. Он дрессировал меня, как загнанного в угол и огрызающего щенка, и в какой-то момент поверил, что у него получилось. Логан не учел одного – человек отличается от животного силой духа, разумом и умением приспособливаться к любым условиям ради собственного выживания. Сдаются только те, кому не за что сражаться, и я не вхожу в их число.

Последний год я оканчивал уже в другой школе, которая находилась в элитном районе Ladue. Школа для избранных: избалованные манерные сучки, высокомерные мажоры. Я был там изгоем, и на меня смотрели отчасти со страхом, отчасти с пренебрежением, считая больным социопатом, после того, как я избил одного из популярных красавчиков Троя Маркулиса. Сейчас я даже не вспомню, что послужило причиной. Он просто сказал то, что мне не понравилось, и я отреагировал. Больше ко мне никто не пытался подходить. Я ни с кем не общался. Я ненавидел и своих одноклассников тоже, хотя они не были виноваты в том, что их родители, наделенные властью и богатством, сукины твари. Однако ужасная репутация действовала на дочерей судей, банкиров, прокуроров, политиков, адвокатов и бизнесменов, как особый вид афродизиака. Их притягивало мое темное обаяние, и вызов, который я всем своим видом бросал окружающему меня обществу. Все эти пафосные куклы знали, кто я, и, устраивая короткие свидания в раздевалке или туалете, конечно же, понимали, в какую опасную игру играют. Но чем неадекватнее я вел себя, тем сильнее эти идиотки меня хотели. Я не был против. Несмотря на испытываемое мной отвращение к пустоголовым куколкам, отказывал я только единицам – самым страшеньким. С физиологией не поспоришь. Мне только исполнилось восемнадцать, и я испытывал те же потребности, что и мои одноклассники. Скажу больше, я искал некое утешение в своем распутстве. Мной владели гнев и ярость, и я выливал их на наивных идиотов особым образом, который устраивал обе стороны. Ни одна не осталась неудовлетворенной. Это не хвастовство, так и было. Для своего возраста я имел довольно внушительный опыт, против которого у глупышек не было ни одного шанса. Лиен многому меня научила, но в силу возраста я стремился к разнообразию. В доме время от времени появлялись и другие девушки. Блондинки, шатенки, рыжие. Разных национальностей и уровней образованности, но их основной навык, который меня интересовал, был на высоте. В некоторых вопросах Логан был верен своему слову, и если он пообещал лучших, то только лучшие меня и удовлетворяли. Девушки исчезали

так же внезапно, как и появлялись, а Лиен оставалась. Я не задавал вопросов, не думал о моральной стороне вопроса. Мне не было никого жаль, потому что меня тоже никто не пожалел. Ни меня, ни мою семью.

За пределами школы и огромного особняка Морганов на «Central West End», у меня практически не было никакой самостоятельной жизни. До школы и обратно меня доставляли в сопровождении телохранителя и шофера в глянцево-черном Мерседесе. Как я узнал во время одного из пафосных неуютных и напряжённых до скрежета зубов семейных ужинов, дом был приобретен Кертисом Морганом в тот момент, когда он вышел на след моего отца. Сфера его интересов располагалась в Чикаго, сюда же он приехал с одной целью... Или, скорее, с двумя целями. Занимал ли я первое место в его шкале ценностей, или все же второе? Ответа на этот вопрос я никогда не узнаю наверняка. Предположения и догадки – это все, что мне осталось. Глупо надеяться, что кто-то из Морганов скажет мне правду.

Кертис расстроил планы семьи своей вендеттой и внес сумятицу в имеющую схему. И, разумеется, они не были ему благодарны. Ни Логан, ни другие члены семьи не говорили вслух, но срочный переезд в Сент-Луис и вынужденная задержка здесь для Логана и его супруги стала не самым приятным сюрпризом, не говоря уже о свалившейся на голову обузе – то есть обо мне. Они исполняли волю Кертиса, так было нужно. Правила, которых я никогда не понимал, или не принимал. Биологический отец распланировал мое будущее, и его наследники следовали завещанию главы семьи. После окончания университета меня ждала руководящая должность в огромном офисном небоскребе в Даунтауне с видом на знаменитую арку, возвышающуюся над городом и являющуюся его визитной карточкой, на помпезный Капитолий на берегу Миссисипи и многочисленные парки. Но эта идеалистичная красивая картинка моего будущего была лишь внешней стороной дела, яркой оберткой, внутри которой пряталась гнилая начинка. Радужные перспективы, которые обещал мне Логан, не были тем, чего я хотел на самом деле.

Но меня никто не спрашивал. Я был марионеткой, игрушкой для нового диктатора, наслаждающегося своей властью. Не только надо мной. Но и над другими членами семьи. Я неоднократно наблюдал, как Логан бил по лицу Зака, своего взрослого сына, за то, что тот осмеливался в чем-то возразить ему. Зак Морган присутствовал на семейных ужинах не так часто, большую часть времени парень работал в Чикаго. Но напряжение между сыном и отцом было осязаемым. Доставалось и Эрике – жене Логана, которая постоянно ныла, что

хочет вернуться домой. И его малолетним дочерям Клариссе и Марии, за то, что не умели вести себя за столом. Со временем Эрика смирилась, перестала жаловаться и разговаривать вообще. Я подозревал, что супруга Логана нашла утешение в наркотических грезах, но это были исключительно мои предположения. Особенное место за столом во время идиотских семейных сборищ занимала еще одна гротескная персона. Самый возрастной и безумный член семьи. Меридит Морган являлась матерью братьям Морганам, а мне приходилась бабушкой. Безумная, вечно бубнящая себе под нос суеверный бред старуха с обвисшей кожей и рыбьим пустым взглядом, в бархате и кружевах; каждый день меняющая парики. Периодически бабулю помещали в клинику для душевно больных, но через пару месяцев она снова занимала свое место за столом, угрожая всем судным днем и проклятием. До меня дошли слухи, что Меридит тронулась умом, когда прямо на улице на ее глазах в упор расстреляли Даниэла Моргана – ее мужа. Когда случилась трагедия, сыновья уже были достаточно взрослыми, чтобы позаботиться о себе и матери. Кто стрелял в деда и почему – меня интересовало мало. У меня была своя трагедия и боль, и свои виновные, которых я жаждал наказать.

Куда больше, чем убийство Даниэла Моргана и свихнувшаяся бабуля, меня потрясло знакомство со старшим братом по биологическому отцу и мачехой. Джош и Аннабель. Высокомерная жертва пластических хирургов Аннабель возненавидела меня точно так же, как я ненавидел их всех... за исключением Джоша. Старшего брата я ненавидеть не мог и на то была веская причина. Джош Морган родился с серьезными отклонениями и нарушением центральной нервной системы, вследствие чего он сильно отставал в развитии, и не мог самостоятельно ходить. Каждый вечер сиделка привозила Джоша к столу на инвалидном кресле, но ни разу никто из членов семьи не бросил ни одного взгляда в его сторону, не попытался заговорить. Даже мать. О нем заботились, кормили с ложечки, хотя он вполне мог есть самостоятельно, возили на прогулку, в больницу, но все это делали посторонние, постоянно меняющиеся люди. Джош не был идиотом. Он все понимал и мог говорить, но его развитие остановилось на уровне двенадцати-тринадцати лет, хотя на момент моего появления в доме Джошу уже исполнилось восемнадцать. Это немного странно, но он был старше меня всего на пять месяцев. По всей видимости, мой биологический папаша не терял времени даром, усилено пытаюсь оставить свой генетический след в истории человечества. Когда Кертиса Моргана посадили, новорожденному Джошу было всего несколько недель. Больной слабый мальчик, которого отец так ни разу и не подержал на руках, потому что ребенок находился в реанимации первые три месяца своей жизни. Интересно, испытывал ли он чувство вины за то, что первенец родился с огромным количеством

патологий? Или свалил всю ответственность на супругу, и поэтому она так ненавидит собственного сына? Когда за столом разворачивалась нешуточная дискуссия, Джош начинал мычать, пытаюсь внести в свою лепту, за что частенько получал по губам от Аннабель и полное презрения «заткнись, debil». В эти моменты мне хотелось встать и задушить ее собственными руками. Однако у меня прав было еще меньше, чем у Джоша. И чтобы я ни сделал и ни сказал – ничего бы не изменилось.

Я пытался, но никак не мог понять поведение Аннабель. Джош был ее сыном. Единственным. Не его вина, что он родился таким. Я неоднократно представлял, как однажды смогу встать и впечатать лицо этой холеной суки в стол, но сейчас... Сейчас я оставался сидеть на месте, с тяжелым сердцем наблюдая, как Джош по-детски обиженно хнычет. Сиделка, как правило, сразу увозила его, когда случались подобные эпизоды, а я приходил в его комнату позже, после ужина и проводил с ним какое-то время, читал книжки, разговаривал, рассказывал, как прошел мой день. Точно также я делал в далеком прошлом, в котором были Эби и Гек, мама и папа....

Так вышло, что именно Джош оказался якорем, в котором я нуждался, чтобы сохранить хотя бы часть себя неразрушенной. Он позволил мне остаться человеком....

В какой-то мере мы оба с ним были калеками. Как физически, так и духовно. Когда я жил со Спенсерами, никто и никогда не напоминал мне о моем физическом недостатке. И я забывал о нем, не обращал внимания. Но Аннабель... Эта неудовлетворённая злобная тварь каждый раз презрительно кривила губы, глядя на мои пальцы, когда я подносил стакан к губам.

– Твой отец был способен плодить исключительно уродов, Джером, – ехидно говорила она. Ее перетянутое пластическими хирургами, лишенное мимики лицо искажала глумливая улыбка. Аннабель была омерзительна, хотя многие мужчины, возможно, сочли бы ее внешние данные неплохими. Я же видел то, что у нее было внутри – смердящая клоака, полная червей. Обычно Логан ее затыкал, но на следующий раз она продолжала снова тыкать мне моим физическим недостатком. Я не пытался развеять ее заблуждения. Я родился с пятью пальцами на каждой руки и ноге. Изуродовала меня жизнь. Хотя я себя уродом, конечно, не считал. И Джош, я уверен, тоже. Когда мы с ним сошлись поближе, оказалось, что у него прекрасное чувство юмора, он отличное рисует, и очень любит классическую музыку, Байрона, Достоевского и Уайльда. Джош был

эстетом и очень ценил все прекрасное. Аннабель ошибалась. Кертис не плодил уродов. Уродом был он сам, а Джош поплатился за грехи своего отца здоровьем. Я не сильно верил в карму и возмездие свыше, но в данном случае, сомневаться было очень сложно. Меня карма за его преступления тоже настигла. Дважды.

Конец ознакомительного фрагмента.

Купить: https://tn.knigapoisk.com/ru/d_aleks/imitaciya-yavlenie-kupidona

Текст предоставлен ООО «ИТ»

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию: [Купить](#)